

СА 1218
306
СТРАНСТВУЮЩІЙ

УКРАИНСКІЙ ФІЛОСОФЪ

ГРИГОРІЙ САВВИЧЪ

СКОВОРОДА.

Свящ. Н. Стеллецкаго.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Повицкаго, Михайлівська ул. д. № 4.
1894.

СТРАНСТВУЮЩІЙ

УКРАИНСКІЙ ФІЛОСОФЪ

ГРИГОРІЙ САВВИЧЪ

СКОВОРОДА.

—
—
—

Свящ. Н. Стеллецкаго.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайлівская ул. д. № 4.
1894.

ЛІТРАМЕРІЯ НАУКОВА

LPNL0PIN GABBN

Изъ журнала „Труды Киевской дух. Академіи“ №№ 7—8 за 1894 годъ.

2007043289

СТРАНСТВУЮЩІЙ УКРАИНСКІЙ ФІЛОСОФЪ

ГРИГОРІЙ САВВИЧЪ СКОВОРОДА.

Въ настоящемъ году, 29 октября, исполнится сто лѣтъ со дня смерти Григорія Саввича Сковороды, съ сочувствіемъ вспоминаемаго въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи и донынѣ, подъ названіемъ странствующаго украинскаго философа, и нѣтъ сомнѣнія, что Харьковъ, средоточный пунктъ его дѣятельности, во главѣ съ университетомъ, такъ много обязанъ ему своимъ основаніемъ, достойно почтить память его юбилеемъ.

Считаемъ не лишнимъ познакомить нашихъ читателей съ этою загадочною, но несомнѣнно высокодаровитою и чрезвычайно своеобразною личностію, столь сильно увлекавшею не только современниковъ, но и ближайшее потомство,—въ надеждѣ, что юбилейное торжество освѣтить ее болѣе полно,—считаемъ тѣмъ болѣе не лишнимъ, что філософъ Сковорода не безъизвѣстенъ и Киеву, гдѣ онъ получилъ первое образованіе, и гдѣ имѣлъ не мало друзей, знакомыхъ и почитателей.

I.

Обстоятельства жизни Сковороды мало извѣстны въ нашей литературѣ; хотя свѣдѣній о немъ сохранилось достаточное количество, но все это скорѣе передача впечатлѣній

отъ его личности, чѣмъ настоящій біографической матеріалъ¹⁾.

Сковорода родился въ 1722 году, въ селѣ Чернухахъ, Лохвицкаго уѣзда, Полтавской губерніи. Родители его были изъ простого званія: отецъ—козакъ, мать—козачка. Мѣщане по состоянію, они были не совсѣмъ достаточны; но ихъ честность, правдивость, гостепріимство, набожность и миролюбіе были извѣстны во всемъ околоткѣ. Богомольный съ самаго ранняго дѣтства, сынъ ихъ Григорій обнаруживалъ охоту къ ученію и способность къ музыкѣ. Одѣвшись бывало въ „юфтовое“ платье, онъ отправлялся съ глубокаго утра куда-нибудь въ рощу или въ поле и наигривалъ на своей „сопилкѣ“ (свирили), мало-по-малу усовершенствованной имъ въ флейту, священные гимны. Кромѣ того, мальчикъ, имѣя прекрасный голосъ, любилъ ходить въ церковь на клиросъ и пѣть. Любимою пѣснию его былъ стихъ Іоанна Дамаскина:

¹⁾ Кроме отдельныхъ небольшихъ замѣтокъ въ давно забытыхъ журналахъ: въ „Украинскомъ Вѣстнику“ 1817 г. (статья Гессъ-де-Кальве и Ивана Вернега), „Отечественныхъ Запискахъ“ 1823 г. (статья Снегирева), „Утренней Звѣздѣ“ 1833 и 4 гг. (статья Срезневскаго), „Телескопѣ“ 1835 г. (статья Хиждеу), „Московскомъ Наблюдателѣ“ 1836 г. (статья Срезневскаго) и нѣкоторыхъ другихъ, возможно-обстоятельный свѣдѣнія о жизни Сковороды находятся въ журналахъ „Основа“ 1861 г. (статья Г. П. Данилевскаго) и „Кievская Старина“ 1886 г. Въ послѣдней, въ сентябрьской книжкѣ, помѣщено въ подлинномъ и цѣльномъ видѣ „Житіе Григорія Саввича Сковороды, описанное другомъ его“, М. И. Ковалѣнскимъ въ 1795 году, февраля 9. Это „житіе“ напечатано по списку, сообщенному редакціи „Кievской Старины“ г. Добротворскими изъ Курска. Нѣкоторыя черты изъ „Житія“ взяты Снѣгиревымъ въ статьѣ его о Сковородѣ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и архимандритомъ Гавріиломъ въ его „Історіи русской философіи“ 1840 г. (то, что изложено здѣсь Гавріиломъ о философіи Сковороды, заимствовано, по видимому, изъ статьи Хиждеу). Аскоченскій издалъ въ извлечениіи содержаніе хранившейся у него подлинной рукописи Ковалѣнскаго въ „Кievскихъ Губ. Вѣдомостяхъ“ 1855 года, которую потомъ передалъ Погодину. Данилевскій въ своей біографіи Сковороды сообщаетъ свѣдѣнія о немъ по запискамъ Ковалѣнскаго въ рукописи, полученной имъ, какъ онъ самъ говоритъ, „отъ бывшаго инспекціоромъ Врачебной Управы во Владимірѣ и преподавателемъ медицины въ тамошней семинаріи, М. И. Алляринскаго“, Алляринскій же досталъ ее отъ одного изъ бывшихъ друзей Сковороды—Ф. И. Дискаро. Въ настоящемъ году явилась статья о Сковородѣ въ журналѣ „Недѣля“ (январь) и начата печатаніемъ „Філософія Григорія Саввича Сковороды, украинскаго філософа XVIII столѣтія“ въ журналѣ „Вопросы філософіи и психологіи“ (май).

„Образу златому на полѣ Деирѣ служиму, тріе твои отроцы не брегоша безбожнаго велѣнія“. По прошествіи многихъ лѣтъ, за два мѣсяца до своей смерти, Сковорода, проживая у друга своего Ковалѣнскаго, которому мы обязаны достовѣрнымъ жизнеописаніемъ нашего философа, въ бесѣдѣ съ нимъ о своей жизни, упомянулъ и объ этомъ стихѣ Дамаскина,—что онъ всегда почти пѣлъ его въ молодости и, самъ не зная почему, любилъ его преимущественно предъ всѣми прочими церковными пѣснями.

Способныя казацкія дѣти часто поступали въ кіевскую академію, славившуюся въ тѣ времена науками: родители разсчитывали втянуть ихъ черезъ образованіе въ ряды козацкой старшины, ставшей тогда новымъ дворянскимъ сословіемъ, или въ ряды духовенства. Отданный отцемъ въ академію, Сковорода скоро превзошелъ своихъ сверстниковъ въ успѣхахъ и похвалахъ отъ всѣхъ наставниковъ. Митрополитъ кіевский, Самуилъ Миславскій, человѣкъ острого ума и рѣдкихъ способностей, будучи товарищемъ его по классу, во всемъ отставалъ отъ него. Въ бытность въ академіи Сковорода сразу же обратилъ на себя вниманіе регента пѣвческаго хора, и немедленно поступилъ въ пѣвчіе.

Въ то время царствовала императрица Елизавета Петровна, извѣстная своею набожностію и любовью къ музыкѣ и духовному пѣнію. Благодаря своему пріятному диктанту и большими музыкальными способностями, Сковорода былъ взятъ изъ академіи въ придворную капеллу, еще со временемъ царя Алексея Михайловича, постоянно пополнявшуюся голосами изъ Малороссіи,—куда онъ и отправленъ былъ однимъ изъ первыхъ при восшествіи Елизаветы Петровны на престолъ. При дворѣ Сковорода оставался въ должности пѣвчаго, а потомъ—исаломника недолго—около двухъ лѣтъ. Вѣроятно, здѣсь имъ положень было напѣть „Иже херувимы“, извѣстный подъ именемъ „придворнаго“, который и нынѣ считается лучшимъ напѣвомъ и употребляется во многихъ

церквахъ Малороссіи. Напѣвъ этой церковной пѣсни, по Высочайшему повелѣнію, изданъ, подъ руководствомъ Бортнянскаго въ 1804 году, и разосланъ по всѣмъ церквамъ, для единообразія въ церковномъ пѣніи. Сковородѣ же приписываютъ введеніе во всеобщее употребленіе веселаго и торжественнаго напѣва „Христосъ воскресе“ и канона на Пасху „Воскресенія день“..., вездѣ именуемаго „Сковородинскимъ“, вмѣсто прежняго унылаго, ирмолойнаго напѣва. Сочинялъ Сковорода и духовные канты, не вошедшіе въ церковную практику, а употреблявшіеся впослѣдствіи въ частныхъ собраніяхъ кievскаго духовенства, любившаго завѣтную старину. Но любовь къ наукѣ въ немъ взяла верхъ надъ любовью къ музикѣ.

Когда императрица Елизавета со всѣмъ дворомъ посѣтила Кіевъ, Сковорода, которому въ то время было 22 года, также прибылъ туда вмѣстѣ съ другими придворными пѣвчими; но, при возвращеніи двора въ Петербургъ, онъ, получивъ увольненіе съ чиномъ „уставщика“ (запѣвалы въ хорѣ), дававшагося обыкновенно лучшимъ придворнымъ пѣвчимъ, при уходѣ ихъ изъ капеллы, остался въ Кіевѣ и снова поступилъ въ академію продолжать ученіе. Молодой Сковорода очень много учился, такъ-какъ успѣхъ пріобрѣсти большія познанія даже и внѣ круга академическихъ предметовъ; изучивъ прекрасно риторику, поэзію, философію, метафизику, математику, естественную исторію и богословіе, онъ въ совершенствѣ постигъ языки еврейскій, греческій, латинскій, нѣмецкій, польскій и церковно-славянскій, говорилъ и писалъ на нихъ свободно, такъ-что по справедливости могъ называться человѣкомъ высокообразованнымъ. Но, по видимому, Сковорода вовсе не имѣлъ расположенія къ духовному званію, къ которому, впрочемъ, отецъ готовилъ его. По крайней мѣрѣ существуетъ разсказъ о томъ, какъ кievскій архиерей хотѣлъ посвятить его въ священники, и онъ, чтобы отдеѣляться какъ-нибудь, прибегнулъ къ хитрости, притворился

душевно-больнымъ, измѣнилъ голосъ, началъ заикаться. Поче-
му исключили его изъ академіи, какъ непонятнаго, и, признавъ
неспособнымъ къ духовному званію, оставили его въ покой.

Этого-то и хотѣлъ Скворода; курсъ наукъ, препода-
ваемыхъ въ то время въ Кіевѣ, показался ему недостаточ-
нымъ. Онъ принадлежалъ къ числу такихъ натуръ, у кото-
рыхъ жажда знанія ненасытима: онъ искалъ въ знаніяхъ
внутренняго свѣта, безъ котораго существованіе представи-
лось ему невозможнымъ. Но гдѣ взять этихъ знаній? И вотъ
Скворода пожелалъ видѣть чужіе края. Скоро представился
къ тому и удобный случай, которымъ онъ воспользовался
охотно. Генераль-маиръ Вишневскій, отправлявшійся, по
порученію двора, въ Венгрию, къ Токайскимъ садамъ, заготови-
вать Императрицѣ токайскихъ винъ, хотѣлъ имѣть для нахо-
дившейся въ Офенѣ православной церкви человѣка, хорошо
знающаго церковное пѣніе. Скворода, известный уже искус-
ствомъ своимъ въ музыкѣ и пѣніи, а также знаніемъ
иностранныхъ языковъ, представленъ былъ генералу Вишнев-
скому, и горячее желаніе его быть заграницей исполнилось:
съ царскимъ вѣльможей онъ отправился въ Венгрию. Безъ
всякихъ почти средствъ, пѣшкомъ, обошелъ Скворода всю
Венгрию, Польшу, Германію и Италію¹⁾. „Римъ любопытству
его открылъ обширное поле. Съ благоговѣніемъ шествовалъ
онъ по этой классической землѣ, которая нѣкогда носила на
себѣ Цицерона, Сенеку и Катона. Тріумфальная арка Тра-
яна, обелиски на площади св. Петра, развалины Каракаль-
скихъ бань, словомъ,—всѣ остатки сего владыки міра произ-
вели въ немъ сильное впечатлѣніе“. Но мѣста не такъ
интересовали его, какъ ученые люди Европы; ихъ собственно
желалъ онъ видѣть и слышать. Благодаря тому, что Ско-
ворода чисто и правильно говорилъ на разныхъ европейскихъ
языкахъ, онъ могъ заводить знакомства и сношенія съ извѣ-
стнѣйшими тогда учеными и философами, напр. съ Кан-

¹⁾ „Украинскій Вѣстникъ“ 1817 г., ч. 6, стр. 108.

томъ¹), а съ тѣмъ вмѣстѣ запасаться и новыми свѣдѣніями, какихъ не имѣлъ и не могъ имѣть въ своемъ отечествѣ.

Обогатившись идеями западной науки и философіи, Сковорода вернулся на родину человѣкомъ съ сложившимися убѣжденіями и съ такимъ громаднымъ запасомъ всякихъ познаній, что, по отзыву современниковъ²), „могъ занять мѣсто между германскими учеными наиболѣе уваженными“. По возвращеніи изъ заграницы, онъ узналъ, что всѣ его родные, не исключая отца, уже умерли, и потому, побывавши нѣкоторое время въ родномъ селѣ, пошелъ по прежнимъ своимъ пріятелямъ. Средствъ къ жизни у него не было никакихъ; но благодаря остроумію и краснорѣчію, его выдающійся умъ и широкое образованіе не могли долго оставаться подъ спудомъ. Однако Сковородѣ, при особенностяхъ его натуры, не такъ-то легко было извлечь изъ своихъ талантовъ и тѣ ничтожныя средства къ жизни, въ какихъ онъ нуждался. Единственное поприще, съ которымъ онъ мирился, было педагогическое, но и здѣсь онъ постоянно наталкивался на подводные камни.

Такъ-какъ друзья Сковороды, у которыхъ онъ проживалъ, были люди также небогаты, то поэому они всячески старались, какъ бы употребить его таланты съ пользою для него и вмѣстѣ для общества. Скоро открылось мѣсто учителя поэзіи въ Переяславской семинаріи, которое, при содѣйствіи своихъ друзей, онъ и занялъ. Сослуживцами его по Переяславской семинаріи были: известный протоіерей Стефанъ Гречина или Гречка и знаменитый впослѣдствіи кіевской проповѣдникъ Иоаннъ Леванда,—оба не менѣе Сковороды богатые разнообразными приключеніями. Въ семинаріи въ то время господствовалъ еще Симеонъ Полодкій съ своими силлабическими стихами, которые предпочитались ямбамъ Ломо-

¹) „Духовная Бесѣда“, 1863 г., т. XVII, стр. 346.

²) „Молодикъ“ 1844 г., стр. 43.

носова. Сковорода хотѣлъ ввести въ свое преподаваніе новые взглѣды на предметъ и написалъ разсужденіе о поэзіи и руководство къ ней. Но тамошній епископъ, Никодимъ Стребницкій, приказалъ ему измѣнить учебникъ и потребовалъ, чтобы преподаваніе науки велось по старому. Сковорода не хотѣлъ подчиниться такому предписанію, ссылаясь на авторитеты, и свое письменное объясненіе по этому поводу (потребованное отъ него епископомъ чрезъ консисторію), состоящее въ томъ, что его разсужденіе о поэзіи и руководство, имъ составленное, правильны и согласны съ существомъ дѣла, усилилъ латинскою пословицей: „Alia res spectum, alia plectrum“ (одно дѣло пастырскій жезлъ, а другое—пастушья свирѣль). Епископъ на консисторскомъ докладѣ собственноручно сдѣлалъ не менѣе выразительную надпись: „Не живяше посредѣ дому моего творяй гордыню“. И вслѣдъ за этимъ Сковорода былъ изгнанъ изъ Переяславской семинаріи.

Послѣ этого онъ сталъ жить у одного изъ своихъ пріятелей, который, зная цѣну его достоинствъ, не зналъ его крайней бѣдности. Сковорода не смѣлъ просить помощи, а пріятель не догадывался спросить его о нуждахъ, которыхъ онъ переносилъ терпѣливо и безропотно, имѣя только двѣ худыя рубашки, камлотовый кафтанъ, одни башмаки и черные гарусные чулки. Тѣснимый нуждою Сковорода пробуетъ устроиться педагогомъ въ частномъ домѣ. Невдалекѣ, въ деревнѣ Каврай, жилъ одинъ богатый и вельможный помѣщикъ, Стефанъ Тамара, которому нуженъ былъ учитель для сына. По рекомендациіи знакомыхъ, Сковорода дѣлается домашнимъ учителемъ сына Тамары. Занимаясь съ молодымъ Тамарой, онъ не обременялъ его излишними свѣдѣніями, а только помогалъ незамѣтнымъ образомъ самостоятельно развиваться его природнымъ способностямъ. Ученіе шло цѣлый годъ, воспитанникъ успѣлъ привязаться къ своему наставнику, и Сковорода съ терпѣніемъ сносилъ барскую спѣсъ, которая не позволяла пану, „презрительно относившемуся ко всему, что

не одѣто въ гербы и не украшено родословными“, не только говорить съ воспитателемъ своего сына, но даже удостоивать его человѣческимъ взглядомъ, хотя всякий день онъ сидѣлъ у него за столомъ вмѣстѣ съ своимъ воспитанникомъ,—сносилъ все это тѣмъ болѣе терпѣливо, что сдѣланъ былъ годовой контрактъ, и онъ хотѣлъ исполнить свою обязанность по совѣсти. Но тутъ вышелъ такой случай. Бесѣдуя однажды съ своимъ ученикомъ и обращаясь съ нимъ откровенно и просто, Сковорода спросилъ его мнѣніе о предметѣ бесѣды и на него не подходящій отвѣтъ замѣтилъ, что такъ можетъ мыслить только свиная голова... Кто-то изъ слугъ слышалъ эти слова, донѣсъ госпожѣ; госпожа, сочетшая это оскорблениемъ шляхетскаго достоинства своего сына, передала мужу, и вотъ за „свиную голову“ Сковорода опять лишился мѣста, пищи, одежды, но не надежды. Старикъ Тамара, который, не смотря на свою надменость, былъ человѣкъ очень умный и по тому времени образованный, цѣня все-таки учителя, при прощаніи впервые заговорилъ съ нимъ и заключилъ свой разговоръ словами: „прости, государь мой! мнѣ жаль тебя!“

Въ крайней нуждѣ прибылъ Сковорода къ одному своему пріятелю, Переяславскому сотнику, человѣку добродушному и гостепріимному. Здѣсь представился ему случайѣхать въ Москву съ другимъ своимъ знакомымъ иѣкіимъ Каллиграфомъ, который получилъ мѣсто проповѣдника въ московской академіи; съ нимъ онъ и отправился. Изъ Москвы Сковорода проѣхалъ въ Троице-Сергіеву лавру, намѣстникомъ которой былъ тогда известный впослѣдствіи ученостію епископъ черниговскій, Кириллъ Флоринскій. Освѣдомленный уже о талантахъ Сковороды по слухамъ, Кириллъ уговаривалъ его остаться въ лаврѣ для пользы училища. Сковорода согласился быть лаврскимъ учителемъ; но вскорѣ ему всгрустнулось по родной Малороссії, и онъ оставилъ училище.

Сковорода пріѣхалъ опять въ Переяславъ, „оставя по себѣ въ лаврѣ имя ученаго и дружбу Кирилла“. Не успѣлъ

онъ прибыть туда, какъ разумный Тамара употребилъ всѣ усиія, чтобы вернуть его себѣ. Не смотря ни на какія упрашиванія знакомыхъ помѣщика, Сковорода упорно отказывался отъ предложенія снова поступить къ его сыну учителемъ, зная гордость Тамары. Но одному знакомому удалось хитростію привезти его ночью, соннаго, въ домъ Тамары, гдѣ и уговорили его остататься; при чёмъ онъ решительно отказался на дальнѣйшее время отъ срока и отъ всякихъ обязательныхъ условій, обѣщаю и безъ этого быть исправнымъ. Случилось это со Сковородою въ 1758 году. Значить, со времени его петербургской жизни прошло 14 лѣтъ, и онъ вступилъ въ 36-й годъ жизни. Въ то время старикъ Тамара уже оставилъ прежнюю свою спѣсъ и началъ цѣнить людей по внутреннему ихъ достоинству. Обласкавъ Сковороду, онъ просилъ его быть сыну его другомъ и руководителемъ въ прохожденіи наукъ. Любовь и откровенность болѣе всего дѣйствовали всегда на Сковороду. Поселясь въ деревнѣ и обеспечивъ свои первыя нужды заботливостію любезнаго хозяина, онъ предался любомудрію и исканію истины. На свободѣ, среди уединенія, мысли его просились къ перу, и онъ сочинялъ стихи на тему: „ходя по землѣ, обращайся на небесахъ“¹⁾). Въ числѣ другихъ Сковорода написалъ стихотвореніе: „оставь, о духъ мой вскорѣ!“.. Прочтя его, старикъ Тамара сказалъ: „другъ мой! Богъ благословилъ тебя даромъ духа и слова!“ По истечениіи нѣкотораго времени молодому Тамарѣ выпало на долю перейти въ другой кругъ жизни; Сковородѣ также готовила судьба новое поприще. Сохранилось письмо отъ 6 марта 1788 года за подпись: „Василій Тамара“, показывающее, какую беззавѣтную преданность сохранилъ въ своемъ сердцѣ ученикъ къ бывшему своему учителю. „Любезный мой учитель Григорій Саввичъ! Письмо

¹⁾) Эти стихи помещены въ рукописномъ сборнике Сковороды, „Садъ-божественныхъ пѣсней“, подъ № 2.

ваше чрезъ корнета Кислого получилъ я, съ равною любви и сердца привязанностю мою къ вамъ. Вспомнишь ты, почтенный другъ мой, твоего Василія, по наружности, можетъ быть, и не несчастнаго, но внутренно болѣе имѣющаго нужду въ совѣтѣ, нежели когда былъ съ тобою. О, еслибы внушилъ тебѣ Господь пожить со мною! Если бы ты меня одинъ разъ выслушалъ, узналъ, то-бѣ не порадовался своимъ воспитанникомъ. Нарасно ли я тебя желалъ? Если нѣтъ, то одолжи и отпиши ко мнѣ, какимъ образомъ могъ бы я тебя увидѣть, страстно любимый мой Сковорода. Прощай и не пожалѣй еще одинъ разъ въ жизни удѣлить частицу твоего времени и покоя старому ученику твоему—Василію Тамарѣ”.

26 апрѣля 1758 года прибылъ въ Бѣлгородъ на епископскую каѳедру Іоасафъ II Миткевичъ. Онъ пригласилъ къ себѣ извѣтнаго ему по старой пріязни игумена Переяславскаго монастыря, Гервасія Якубовича, раздѣлить съ нимъ епархіальные труды и дружескую жизнь. По пріѣздѣ въ Бѣлгородъ Гервасій, замѣтивъ ревность Іоасафа къ наукамъ, заговорилъ о Сковородѣ; епископъ вызвалъ его къ себѣ чрезъ Гервасія и предоставилъ ему мѣсто учителя поэзіи въ подчиненномъ ему харьковскомъ коллегіумѣ: „по указу бѣлгородской консисторії, данному ректору коллегіума, архимандриту Константину Бродскому (изъ префектовъ московской академіи), вмѣстѣ съ префектомъ игуменомъ Лаврентіемъ Кордетомъ¹⁾, отъ 11-го августа 1759 года, за подпись преосвященнаго Іоасафа, по случаю перемѣщенія нѣкоторыхъ наставниковъ коллегіума въ Бѣлгородъ, для разныхъ назначений, повелѣно студенту богословскихъ наукъ Григорію Сковородѣ, быть учителемъ піитики въ харьковскомъ коллегіумѣ, въ числѣ другихъ наставниковъ, вышедшихъ изъ кіевской академіи²⁾. Скоро по вступленіи Сковороды въ должность

¹⁾ „Молодицъ“ 1843 г. стр. 30.

²⁾ „Духовная Бесѣда“ 1863 г. т. XVII стр. 345.

преподавателя коллегіума, разнеслась по Харькову молва объ его необыкновенной учености, краснорѣчіи и вмѣстѣ съ тѣмъ благочестіемъ. Въ это время онъ одѣвался просто, но прилично; пищу принималъ только вечеромъ, по заходженію солнца, и питался только овощами, плодами да молокомъ; мяса же и рыбы совсѣмъ не употреблялъ. Прошелъ учебный годъ, и Сковорода пріѣхалъ въ Бѣлгородъ къ Іоасафу отдохнуть послѣ трудовъ. Епископъ, полюбившій Сковороду за свѣтлый умъ и свободу отъ мірскихъ заботъ, свойственную только посвятившимъ себя особенному служенію Богу, хотѣлъ удержать его долѣе при коллегіумѣ и для этого поручилъ Гервасію уговорить его принять монашество, обѣщая скоро довести его до высокаго духовнаго сана. Гервасій началъ по-пріятельски совѣтывать ему вступить въ монашеское званіе, ссылаясь при этомъ на желаніе архіерея, на благоплодность этого званія для церкви и на связанный съ нимъ почетъ и счастливую, по его мнѣнію, жизнь. Сковорода не согласился принять монашество, и между нимъ и Гервасіемъ возникли холодныя отношенія. Тогда Сковорода, на третій день по пріѣздѣ въ Бѣлгородъ, дождавшись въ передней выхода Гервасія, подошелъ къ нему и попросилъ себѣ напутственного благословенія. Гервасій понялъ его намѣреніе и, не глядя на него, благословилъ его съ досадою. Сковорода отправился къ новому своему пріятелю, въ деревню Старицу, въ окрестностяхъ Бѣлгорода. Когда о. Гервасій донесъ Іоасафу о поступкѣ Сковороды, добродушный епископъ не досадовалъ, а только пожалѣлъ о немъ.

Старица, куда удалился Сковорода, представляла изъ себя пустынное място, богатое лѣсами, ручьями, долинами, благопріятствующими глубокому уединенію. Здѣсь онъ принялъся изучать себя, и на эту тему писалъ сочиненія. Между тѣмъ Іоасафъ, не теряя изъ виду Сковороды, хотѣлъ снова привлечь его къ себѣ, любезно принялъ и предложилъ ему должность учителя, какую желаетъ. Сковорода охотно при-

нялъ предложеніе епископа и сталъ читать въ коллегіумѣ синтаксисъ и греческій языкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ занимался въ Харьковѣ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, Ковалѣнскимъ, съ которымъ познакомившись недавно, полюбилъ его, какъ новаго своего друга. Ковалѣнскій съ жадностію вслушивался въ разсказы и наставленія новаго своего учителя (раньше онъ учился въ коллегіумѣ), поводомъ къ которымъ служило чтеніе разныхъ книгъ. Ему прежде внушали дѣломъ и словомъ, что счастіе человѣка состоить въ довольствѣ, нарядахъ и праздномъ веселіи; а Сковорода говорилъ (и словамъ его отвѣчала и жизнь его), что истинно счастливымъ можетъ быть названъ только тотъ, кто ограничиваетъ свои желанія, избѣгаетъ всякихъ излишествъ, обуздываетъ похоть и честно исполняетъ возложенныя на него промысломъ Божіимъ обязанности. Ковалѣнскому твердили, что одно состояніе человѣческой жизни лучше другаго и къ одному состоянію Господь благоволитъ болѣе, нежели къ другому. Сковорода училъ: „всѣ состоянія добры, и Богъ, подѣливъ общество людей на различные состоянія, соединилъ ихъ во взаимныхъ потребностяхъ, и никого не обидѣлъ. Если же Онъ не благоволитъ къ кому, то только къ сынамъ противленія, которые, не прислушиваясь къ голосу своей природы, вступаютъ въ состоянія по своимъ страстямъ и обманчивымъ видамъ. И такъ какъ они не испытали въ себѣ врожденной склонности, то и предалъ ихъ верховный Раздаатель дарованій въ неискусенѣумъ, да творятъ непотребная“. Ковалѣнскій, внимая такимъ рѣчамъ Сковороды, почувствовалъ въ себѣ страшную борьбу мыслей и не зналъ, какъ утишить ее. Сверстники внушали ему отвращеніе къ Сковородѣ, совѣтовали не только прервать знакомство съ нимъ, но даже видѣться съ нимъ. Томимый борьбою понятій, молодой человѣкъ вскорѣ, именно въ 1763 году, увидѣлъ такой сонъ: на голубомъ небѣ показались ему золотыя начертанія именъ трехъ отроковъ, вверженныхъ въ печь огненную, Ананіи, Азаріи и Мисаила; отъ этихъ золо-

тыхъ словъ сыпались на Сковороду, стоящаго съ поднятыми вверхъ правой рукой и лѣвой ногой (какъ изображается иногда проповѣдующій Иоаннъ Креститель), искры, изъ которыхъ нѣкоторыя отскакивая отъ него, падали и на стоящаго тутъ же Ковалѣнскаго, производя въ немъ легкость, бодрость, спокойствіе и довольство духа. По утру, вставъ рано, молодой человѣкъ рассказалъ этотъ сонъ почтенному старику, троицкому священнику Бор., у котораго онъ квартировалъ. Стариkъ подумалъ и сказалъ: „молодой человѣкъ! слушайтесь этого мужа; онъ данъ вамъ отъ Бога ангеломъ руководителемъ и наставникомъ“. Съ того времени Ковалѣнскій подружился съ Сковородою. Желая перевоспитать своего юнаго друга, Сковорода приглашалъ его въ поздніе лѣтніе вечера за городъ и незамѣтно доводилъ его до кладбища. Тутъ онъ, при видѣ песчаныхъ могиль, разрытыхъ вѣтромъ, говорилъ о безразсудной боязливости людской предъ мертвыми. Иногда же, удаляясь въ близь лежащую рощу, игралъ на флейттраверсѣ, оставя молодого человѣка между гробовъ одного, какъ бы для того, чтобы издали ему пріятнѣе было слушать музыку. Такъ онъ укрѣплялъ бодрость мысли и чувства своего ученика. Продолжая преподавать въ коллегіумѣ синтаксисъ и греческій языкъ, Сковорода греческому языку обучалъ и своего друга. При этомъ онъ проходилъ съ нимъ любимыхъ древнихъ авторовъ: Плутарха, Филона¹⁾, Цицерона, Горация, Лукіана, Клиmenta Александрийскаго, Оригена, Нила, Діонисія Ареопагита и Максима Исповѣдника; новые писатели шли съ ними рядомъ. Во главѣ же всего стояла Біблія.

Въ августѣ 1764 года Сковорода отправился съ Ковалѣнскимъ въ Киевъ. Здѣсь они осматривали древности, и Сковорода былъ ихъ истолкователемъ. Многіе изъ бывшихъ учениковъ его, родственниковъ и знакомыхъ, поступившихъ монахами въ Печерскую лавру, уговаривали его принять мо-

¹⁾ По словамъ Ковалѣнского, Філонъ Іудейскій былъ въ числѣ „любимѣшихъ авторовъ“ Сковороды.

нашество: „Полно бродить по свѣту! Пора пристать къ гавани: намъ извѣстны твои таланты, св. лавра приметъ тебя, какъ свое чадо, ты будешь столпомъ церкви и украшеніемъ обители!“ говорили ему разъ монахи. „Довольно и васъ... отвѣчалъ имъ Сковорода, мнѣ ли грѣшному скрывать святость сердца въ ризѣ?“ Чрезъ нѣсколько дней Ковалѣнскій возвратился домой, а Сковорода остался въ Кіевѣ, по просьбѣ своего родственника, печерского типографа, Густина. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ онъ уже возвратился въ Харьковъ. Україну онъ предпочиталъ Малороссіи за свѣжій воздухъ и чистыя воды. „Онъ обыкновенно,—замѣчаетъ Ковалѣнскій, называлъ Малороссію матерью, потому что родился тамъ, а Україну теткой, по жительству въ ней и по любви къ ней“.

Харьковскимъ губернаторомъ былъ тогда Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ, человѣкъ не получившій школьнаго образованія, но одарѣнnyй отъ природы здравымъ разсудкомъ, поклонникъ талантовъ, наукъ и искусствъ, а въ особенности музыки, въ которой и самъ былъ довольно свѣдущъ. Наслышившись много о Сковородѣ, Щербининъ хотѣлъ его видѣть. Вотъ что передаютъ о первой встрѣчѣ его съ Сковородой. Губернаторъ щахъ по улицѣ, въ щегольскомъ рѣдванѣ и съ гайдуками, и, замѣтивъ Сковороду, сидѣвшаго на тротуарѣ, послалъ къ нему адютанта.—„Васъ требуетъ къ себѣ его превосходительство!“—„Какое превосходительство?“—„Господинъ губернаторъ!“—„Скажите ему, что мы незнакомы!“—Адютантъ смущенно передалъ отвѣтъ Сковороды. Щербининъ послалъ вторично. „Васъ проситъ къ себѣ Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ!“ „А!—отвѣтилъ Сковорода:—объ этомъ слыхалъ; говорятъ, добрый человѣкъ и музыкантъ!“ И, снявши шапку, подошелъ къ рѣдвану. Съ той минуты они познакомились. Щербининъ призвалъ какъ-то Сковороду къ себѣ, и въ бесѣдѣ съ нимъ спросилъ, отъ чего онъ не выберетъ себѣ какого-нибудь положенія. „Милостивый государь! отвѣчалъ Сковорода: свѣтъ подобенъ театру. Чтобы представлять на немъ игру съ успѣхомъ и похвалою, нужно брать роли по спо-

собностямъ: ибо дѣйствующее лицо заслуживаетъ похвалы не по знатности роли, но за удачную игру. Я долго разсуждалъ объ этомъ, и по многомъ испытаніи увидѣлъ, что не могу представить на театръ свѣта никакого лица удачно, кроме простоты и смиренія; я избралъ эту роль и доволенъ". Губернаторъ не безъ удовольствія сказалъ на это: „вотъ умный человѣкъ! онъ дѣйствительно счастливъ; меныше было бы на свѣтѣ дурачествъ, еслибы люди такъ разсуждали. Но, другъ мой! продолжалъ Щербининъ, можетъ быть, ты имѣешь способности къ другимъ состояніямъ, да привычки, мнѣнія, предубѣжденіе".... „Если бы я почувствовалъ сегодня же, прервалъ Сковорода, что могу безъ робости рубить турокъ, то привязалъ бы гусарскую саблю и, надѣвъ киверъ, пошельбы служить въ войско. При врождённой склонности трудъ пріятенъ. Собака бережетъ стадо днёмъ и ночью по врождённой любви и терзаетъ волка также по врождённой склонности, не смотря на то, что и сама подвергается опасности быть растерзанною. Ни конь, ни свинья не сдѣлаютъ этого, такъ-какъ не имѣютъ природы къ тому". Губернаторъ выслушалъ Сковороду и, отпуская его, просилъ ходить къ нему почаще. Но Сковорода, строго держась выбранной имъ роли на театрѣ жизни, всячески избѣгалъ знатныхъ особъ, шумныхъ собраний и широкихъ знакомствъ, а любилъ бывать за-просто въ небольшомъ кругу откровенныхъ лицъ. Въ Харьковѣ онъ охотно посѣщалъ домъ одного старика, гдѣ устраивались музыкальные вечера, и Сковорода, никогда не оставлявшій занятій музыкой, занималъ на нихъ первое мѣсто, пѣлъ и нерѣдко вытягивалъ трудныя соѣ на своей флейтѣ.

Въ 1766 году, по повелѣнію Императрицы Екатерины II, въ харьковскомъ коллегіумѣ, вслѣдствіе ходатайства Щербинина, были устроены такъ-называемые „прибавочные классы“, гдѣ вводились въ преподаваніе для благороднаго юношества нѣкоторые новые предметы, и между прочимъ, должны были преподаваться правила благонравія. Какъ способнѣйшій изъ наставниковъ, Сковорода, которому исполнилось въ это-

время уже 44 года, назначенъ былъ преподавателемъ благонравія. Конечно, преподавать правила благонравія не то, что читать синтаксисъ или греческій языкъ, и Сковорода теперь достигъ того, къ чему, по особенностямъ своей натуры, усиленно стремился—возможности свободно и открыто, съ каѳедры, преподавать то, что было близко его сердцу. Онъ былъ такъ доволенъ своимъ назначеніемъ, что даже не хотѣлъ брать за преподаваніе благонравія опредѣленнаго по окладу жалованья, указывая на то, что удовольствіе отъ преподаванія этой науки замѣнить ему всякую награду. Въ предварительной лекціи Сковорода высказалъ нѣкоторыя свои мысли и отозвался о малопросвѣщенныхъ своихъ сослуживцахъ со всею прямотою своего цѣлостнаго характера. „Весь міръ спитъ (нравственнымъ сномъ)! говорилъ онъ во вступительной части лекціи,— да еще не такъ спитъ, какъ сказано: аще упадеть, не разбіется; спитъ глубоко, протянувшись, будто ушибленъ! А наставники не только не пробуживаютъ, но еще поглажаютъ, глаголюще: спи, не бойся, мѣсто хорошее... чего опасаться!“ Волненіе было готово. Но блестящій финалъ этого впереди, и скоро все загихло. Сковорода началъ читать свои уроки, читалъ ихъ увлекательно, великолѣпно, такъ-что пріобрѣлъ и громкую славу у друзей¹⁾, и сильную ненависть у враговъ! Въ руководство ученикамъ скоро написалъ онъ свою „Начальную дверь къ христіанскому добронравію для молодого шляхетства Харьковской губерніи“²⁾, представлявшую какъ-бы конспектъ читанныхъ имъ лекцій; далъ её, по просьбѣ друзей, нѣкоторымъ для прочтенія, и тогда-то буря востала на него всею силой. Рукопись пошла по рукамъ. Съ жадностю читали её; но зависть къ талантамъ даровитаго наставника многимъ не

¹⁾ Друзей Сковорода имѣлъ и между учителями коллегіума, напр. учителя риторики, Двигубскаго („Русскій Архивъ“ 1872 г., стр. 107).

²⁾ Нѣсколько страницъ изъ нея помѣщено въ Сіонскомъ Вѣст.“ 1806 г. ч. III.

давала покоя и сдѣлала даже нѣкоторыхъ друзей его явными недругами. Не осталась для Сковороды безъ непріятныхъ послѣдствій и проповѣдь, сказанная имъ въ праздникъ Пребраженія Господня на текстъ: „убуждающа видѣща славу Его“ (Лук. 9, 32), въ которой проводились мысли, не совсѣмъ доступныя тогдашнимъ украинскимъ ученымъ, и тѣмъ не мало напугавшія товарищев Сковороды, понявшихъ содержаніе проповѣди по своему¹⁾. Въ сочиненіяхъ Сковороды, по сознанію его враговъ, будто бы найдено много сомнительнаго и потому ему назначены были диспуты, для защиты его положеній. Сочиненія разобраны на диспутахъ съ самой дурной стороны, все истолковано въ превратномъ смыслѣ. Сковороду заподозрили въ такихъ мысляхъ, какія ему и въ голову не приходили. Сковорода, питавшій органическое отвращеніе къ какимъ бы то ни было изворотамъ въ словѣ, опровергалъ своихъ противниковъ умно и бойко; всѣ, присутствовавшіе на диспутахъ, приходили въ восторгъ отъ его основательныхъ доводовъ въ свою защиту и отъ его страстнаго стремительного краснорѣчія. При всемъ томъ Сковорода долженъ былъ удалиться на время изъ Харькова, отказавшись отъ должности учителя.

Влекомый любовью къ уединенію, Сковорода удалился въ имѣніе помѣщиковъ Земборскихъ, Гужвинское, недалеко отъ Харькова, покрытое лѣсомъ, въ глухи котораго находилась пасѣка, съ хижиной пчельника. На этой пасѣкѣ, у добродушныхъ хозяевъ, поселился онъ, укрываясь отъ людской молвы и злословій. Здѣсь онъ написалъ первое полное свое сочиненіе „Наркізъ“, или о томъ: „познай себя“, и книгу „Асханъ“, о познаніи самого себя²⁾.

„Лжемудрое высокоуміе, продолжаетъ біографъ Сковороды,

¹⁾ „Дух. Бесѣда, 1863 г., т. XVII, стр. 347.

²⁾ „Асханъ“, о познаніи себя, безъ имени автора, издана въ Петербургѣ какимъ-то Антоновскимъ, уже послѣ смерти Сковороды.

Ковалѣнскій, не въ силахъ будучи вредить ему злословiemъ, употребило другое орудie—клевету. Оно разглашало повсюду, что Сковорода осуждаетъ употребленіе мяса и вина и самъ не употребляетъ ихъ. А какъ известно, что такое ученіе есть ересь манихейская, проклятая на всѣхъ соборахъ; то законословы и дали ему прозваніе манихейского ученика. Кромѣ того, его обвинили въ томъ, что онъ называетъ вредными золото, серебро, дорогія одежды и пр. цѣнныя вещи, созданныя Богомъ, и что, следовательно, онъ богохульникъ. Поелику же Сковорода удаляется отъ людей въ лѣса; то изъ этого выводили, что онъ не имѣеть любви къ ближнему, а потому и назвали его мизантропомъ, человѣконенавистникомъ". Узнавши объ этомъ, Сковорода поспѣшилъ явиться въ городъ и въ первомъ же обществѣ напечь подходящій случай поразить своихъ враговъ. „Было время, говорилъ онъ, и теперь бываетъ, когда я воздерживаюсь, для внутренней экономіи своей, отъ мяса и вина. Не потому ли и лѣкарь возбраняетъ, напр., чеснокъ тому, у кого вредный жаръ вступилъ въ глаза? Все сотворено во благо всепрѣдѣль Творцемъ, но не все всегда бываетъ полезно. Правда, некоторымъ я совѣтывалъ осторожно обходитьсь съ виномъ и мясомъ, а иногда и совсѣмъ избѣгать этого, принимая въ соображеніе ихъ пылкую юность. Но когда отецъ беретъ изъ рукъ малолѣтняго сына ножъ и не позволяетъ ему шутить съ оружиемъ, самъ однакоже пользуясь совсѣмъ этимъ; то не ясно ли, что сынъ еще не можетъ надлежаще владѣть этими вещами и употреблять ихъ въ пользу, для которой онъ изобрѣтены. Вотъ почему прозвали меня манихейскимъ ученикомъ. Не ложно то, что всякий родъ пищи и питія полезенъ и здоровъ; но нужно при этомъ обращать вниманіе на время, мѣсто, мѣру, личность. Не вредно ли было бы дать грудному младенцу крѣпкой водки, или не смѣшно ли подать стаканъ молока въ потѣ лица работающему дѣлый день на морозѣ дровосѣку въ подкрепленіе его силъ? Какъ несправедливо привяли меня за Манихея,

такъ и незаслужено обозвали меня человѣконенавистникомъ и ругателемъ даровъ Божіихъ". Слушавшіе его только робко переглядывались и не возражали. Простившись со всѣми, Сквороды отправился въ новое еще уединеніе.

Въ изюмскомъ округѣ, Харьковской губерніи, жили тогда дворяне Сошальскіе; младшій братъ ихъ привязался къ Сквородѣ и просилъ его пожить у него нѣкоторое время. Скворода поѣхалъ съ нимъ въ его деревню, Гусинку, полюбиль и мѣсто и хозяина, и поселился у него не вдалекѣ отъ деревни, по своему обычаю, на пасѣкѣ. Безмолвная тишина и свобода снова возбудили въ немъ чувствъ несказанного удовольствія. „Многіе спрашиваютъ, писалъ Скворода къ бывшему своему ученику, Ковалѣнскому, уѣхавшему на службу въ Петербургъ, что дѣлаетъ Скворода, чѣмъ занимается? Я же во Господѣ радуюсь, веселюсь о Бозѣ Спасѣ моемъ! Радованіе есть цвѣтъ человѣческой жизни, главная цѣль всѣхъ подвиговъ; всѣ дѣла каждого человѣка сюда направляются. Всякому свое радованіе мило, а же „поглумлюся, позабавлюся“ въ заповѣдяхъ Вышняго. Всё переходитъ въ скуку и омерзѣніе, кромѣ этой забавы“. Въ 1770 году Скворода отправился съ Сошальскими въ Киевъ и остановился у своего родственника Іустина, теперь уже начальника Киїаевской пустыни, близъ Киева. Прошло три мѣсяца, проведенныхыхъ имъ съ удовольствиемъ. „Вдругъ, по словамъ Ковалѣнского, онъ замѣтилъ въ себѣ испонятное движение духа, побуждающее егоѣхать изъ Киева. Онъ сталъ просить Іустина отправить его въ Харьковъ. Родственникъ упрашивалъ его еще остататься. Скворода настаивалъ на своемъ. Іустинъ заклиналъ всѣми святыми не бросать его. Тогда Скворода обратился къ другимъ своимъ киевскимъ пріятелямъ съ просьбой отпустить его въ Украину. Тѣ также удерживали его, но онъ отговаривался тѣмъ, что ему духъ велитъ удалиться изъ Киева. Между тѣмъ, онъ пошелъ на Подоль. Спускаясь туда по горѣ, Скворода внезапно остановился, и,

почувствовавъ сильный трупный запахъ, не могъ дольше идти впередъ, воротился въ Китаевъ и къ великому неудовольствію о. Густини на другой день отправился въ дорогу. Чрезъ двѣ недѣли онъ былъ уже въ Ахтырскомъ монастырѣ, у своего пріятеля, архимандрита Венедикта. Прекрасное мѣстоположеніе монастыря и радушіе этого монаха успокаивающимъ образомъ подействовали на него. Не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ вдругъ получилось извѣстіе изъ Киева о появленіи тамъ моровой язвы или чумы, о которой во время пребыванія въ Киевѣ Сковороды ничего не было слышно¹⁾). Это извѣстіе произвело на него такое сильное дѣйствіе, что отразилось на его религіозномъ настроеніи: „сердце его до того времени, говоритъ Ковалѣнскій, почитало Бога, какъ рабъ, теперь же возвлюбило Его, какъ другъ“. Погостиивши нѣкоторое время у о. Венедикта, онъ опять побѣхалъ въ Гусинку къ Сошальскимъ, где и погрузился въ свои любимыя занятія.

Съ 1775 года, когда Сковородѣ было уже 53 года, началась его постоянная странническая жизнь по Украинѣ, и продолжалась почти 20 лѣтъ, до самой смерти его.

Полюбивъ Тевяшева, воронежскаго помѣщика, онъ про-

¹⁾ Эта моровая язва появилась въ Киевѣ въ сентябрѣ 1870 года. Только Михайловскій монастырь остался свободенъ отъ общаго бѣдствія; на Подолѣ же оно свирѣпствовало съ страшною силою. Народъ пришелъ въ уныніе; начальство потеряло голову до такой степени, что губернаторъ повѣрилъ плѣнному турку, который обѣщался избавить Киевъ отъ заразы. Турокъ написалъ на своемъ языке вѣсколько записокъ слѣдующаго содержанія: „Великій Мугамедь! на сей разъ помилуй ты христіанъ и спаси ихъ отъ язвы, ради избавленія нашего отъ плѣна!“ Записки эти были привязаны къ шестамъ и выставлены на колокольняхъ подольскихъ церквей, но не имѣли другихъ послѣдствій, кромѣ возбужденія народнаго неудовольствія. Гораздо удачнѣе было другое распоряженіе начальства. Городъ былъ оцепленъ солдатами, но довольно рѣдко, такъ что это не помѣшало студентамъ академіи разбѣжаться отъ испуга и занести заразу по окрестностямъ. Въ это тяжелое время много утѣшалъ кіевлянъ своими замѣчательными проповѣдями о. Леванда. См. „Кіево-Софійск.“ пр. И. Леванда“, Кіевъ, 1879 г., стр. 15—20.

живалъ у него въ деревнѣ и написалъ тутъ сочиненіе „Икона Алкивіадская“, которое и посвятилъ ему въ знакъ своей къ нему признательности. Потомъ онъ гостила въ Бурлукахъ у Захаржевскаго, ради красиваго мѣстоположенія, жилъ также у Щербинина въ Бабаяхъ, въ Ивановкѣ (или Пань-Ивановкѣ) у Ковалевскаго, у своего друга, Ковалѣнскаго, въ с. Хотетовѣ, близъ Орла, въ монастыряхъ Старо-харьковскомъ (нынѣ курляжскомъ), Харьковскомъ училищномъ Покровскомъ, Ахтырскомъ, Сумскомъ (упраздненному), Святогорскомъ, Сеннянскомъ (также упраздненному). Въ особенности же онъ любилъ Харьковъ и часто посѣщалъ его. Новый начальникъ тамошній, услыша о немъ, хотѣлъ видѣть его. При первомъ же знакомствѣ губернаторъ спросилъ его: „о чёмъ учитъ Библія?— „О человѣческомъ сердцѣ, отвѣчалъ Сковорода: поваренные книги ваши учатъ, какъ удовольствовать желудокъ, псовья,— какъ звѣрей ловить, модныя,— какъ наряжаться, а св. Библія учитъ, какъ облагороживать сердце человѣческое“. Одинъ изъ украинскихъ ученыхъ тутъ же спросилъ его: „что такое философія?— Главная цѣль человѣческой жизни, отвѣчалъ Сковорода. Всякій имѣеть цѣль въ жизни, но не всякій имѣеть главную цѣль. Одинъ старается дать жизнь своему чреву, другой— глазамъ, третій— волосамъ, тотъ— ногамъ, этотъ же одѣждамъ и прочимъ неодушевленнымъ прелметамъ; философія или любомудріе стремится предоставить жизнь нашему духу: сердцу— благородство, мыслямъ— ясность. Если духъ въ человѣкѣ весель, мысли ясны, сердце спокойно, то все свѣтло, счастливо и блаженно. Это и есть философія“.

Изъ Харькова Сковорода надолго отправился снова въ Гусинку, „въ любимое свое пустынножительство“. Когда усталость отъ постояннаго напряженія мыслительной силы заставляла его перемѣнить свое занятіе, „тогда, по словамъ Ковалѣнскаго, приходилъ онъ къ престарѣлому пчельнику, недалеко жившему на часъкѣ, бралъ съ собою въ сотоварищество своего любимаго пса, и трое, составя общество, раздѣ-

ляли между собою вечерю“.

„Ангель, мой хранитель, такъ писаль онъ къ одному своему другу отъ 19 февраля 1779 года, нынѣ со мною веселится пустынею. Я къ ней рожденъ. Страсть, нищета, смиреніе, беспечность, незлобіе суть мои съ ней сожительницы. Я ихъ люблю и онъ меня. А что дѣлаю въ пустыни? Не спрашивайте? Недавно о мнѣ нѣкто спрашивалъ: скажите мнѣ, что онъ тамъ дѣлаеть? Еслибъ я отъ тѣлесныхъ болѣзней лѣчился, или оберегать пчелы, или портняжилъ, или ловилъ звѣрей, тогда бы Сковорода казался имъ занятъ дѣломъ. А безъ этого думаютъ, что я празденъ, и не безъ причины удивляются. Правда, только ли развѣ всего дѣла для человѣка—продавать, покупать, жениться, посягать, воевать, судиться, портняжить, строиться, ловить звѣрей? Здѣсь ли наше сердце неисходно всегда? Такъ вотъ же сейчасъ видна причина нашей бѣдности: что мы, погрузивъ все наше сердце въ пріобрѣтеніе міра и въ море тѣлесныхъ потребностей, не имѣемъ времени вникнуть внутрь себя, очистить и поврачевать самую госпожу нашего тѣла, нашу душу. Забыли мы себя за неключимымъ напимъ рабомъ, невѣрнымъ тѣлишкомъ, день и ночь о немъ одномъ пекущесъ. Похожи на щеголя, пекущагося о сапогѣ, не о ногѣ, о красныхъ углахъ, не о пирогахъ, о золотыхъ кошелькахъ, не о деньгахъ. Какая же намъ отсюда тщета и трата? Не всѣмъ ли мы изобильны? Точно, всѣмъ и всякимъ добромъ тѣлеснымъ; совсѣмъ тѣлега, по пословицѣ, кромѣ колесъ—одной только души нашей не имѣемъ. Есть, правда, въ насъ и душа, но такая, каковы у шкарбутника или подагрика ноги, или матросскій козырекъ, не стоящий алтына. Она въ насъ разслаблена, грустна, свое-нравна, боязлива, завистлива, жадная, ничѣмъ недовольна, гнѣвлива, тощая, блѣдна, точно такая, какъ пациентъ изъ лазарета. Такая душа, если въ бархатъ одѣлась, не гробъ ли ей бархатный? Если въ свѣтлыхъ чертогахъ пируетъ, не адъ ли ей? Если весь міръ превозносить ее портретами и пѣснями, сиречь, одами величаетъ, не жалобны ли для нея оныя

пророческія сонаты: „въ тайнѣ восплачется душа моя“ (Іеремія), „взволнуются... и почти не возмогутъ“ (Ісаія). Если самый центръ души гнѣтъ и болитъ, кто или что увеселитъ ее? Ахъ, государь мой и любезный пріятель! плывите по морю и возведите очи къ гавани. Не забудьте себя среди изобилій вашихъ. Одинъ у васъ хлѣбъ уже довольный есть, а второго много ли? Рабъ вашъ сытъ, а Ревекка довольна ли? Сie-то есть? „Не о единомъ хлѣбѣ живъ будетъ человѣкъ“. Объ этомъ послѣднемъ ангельскомъ хлѣбѣ день и ночь петьется Сковорода. Онъ любить сей родъ блиновъ больше всего. Даль бы по одному блину и всему Израилю, еслибы былъ Давидомъ. Какъ пишется въ книгахъ Царствъ: но и для себя скучно. Вотъ что онъ дѣлаетъ въ пустыни".

Подъ конецъ своей жизни Сковорода, 73-лѣтній старецъ, удрученный болѣзнями, не взирая ни на дальность пути, ни на безпрерывно мокрую осеннюю погоду, отправился въ с. Хотетово, къ другу своему, Ковалѣнскому, который, послѣ продолжительной разлуки, желалъ видѣть его и предлагалъ ему свой домъ, какъ тихую пристань по долгому странствованію. Сковорода привезъ ему свои сочиненія и самъ читалъ ихъ съ нимъ ежедневно и, между чтенiemъ, занималъ его разными разсужденіями. Много толковалъ онъ тутъ о сектахъ. „Всякая секта, говорилъ Сковорода, пахнетъ собственностью, а гдѣ собственность, тамъ нѣтъ главной цѣли, или главной мудрости. Я не знаю мартинистовъ, ни разума, ни ученія ихъ; если же они мудрствуютъ въ простотѣ сердца, чтобы быть полезными гражданами обществу, то я почитаю ихъ; но для этого не для чего бы имъ особничествовать. Любовь къ ближнему не имѣть никакой секты: на ней весь законъ и пророки висятъ. Законъ природы, какъ самонужнѣйший для человѣческаго блага, всеобщъ и напечатанъ на сердцѣ каждого, данъ каждому существу, даже послѣдней песчинкѣ“.—Заводя рѣчь о свящ. Писаніи, Сковорода говорилъ: „многіе не понимая меня или не желая понять, клевещутъ,

будто бы я отвергаю исторію Ветхаго и Новаго завѣта, потому что признаю въ ней духовный разумъ, чувствую бого-писаный законъ и усматриваю Сущаго сквозь буквальный смыслъ. Я пополняю этимъ исторію, а не разоряю: ибо какъ тѣло безъ духа мертвъ, такъ и свящ. Писаніе— безъ вѣры; вѣра же невидимымъ извѣщеніе. Когда я хвалю доблестъ воина, его неустрешимость, мужество, храбрость, то этимъ не уничтожаю ни его наряда, ни его оружія. Нарядъ, убранство, оружіе воина есть исторія, а разумъ и слава этой исторіи есть духъ воина, его дѣла. Когда я, смотря на прекрасный храмъ, преъвношу его симметрію, пропорцію, великолѣпіе, то, относя это къ искусству архитектора, къ красотѣ цѣлага, исключаю ли кирпичъ, известъ, желѣзо, песокъ, воду, каменщикоў, ваятелей и проч., какъ будто бы ничего изъ того не бывало? Я удивляюсь разуму храма, но чрезъ то не отвергаю его внѣшняго вида. Читая свящ. Писаніе въ намѣреніи научиться богопочтенію, богообязненности, любви къ ближнему, повиновенію начальству, покорности придержающимъ властямъ, усовершенствованію сердца во всѣхъ отношеніяхъ, когда, напр., я найду исторію, какъ первосвященникъ Ааронъ бросилъ въ огонь и растопилъ тельца, сдѣланаго евреями въ отсутствіе вождя и обоготовляемаго ими, то я не останавливаюсь тутъ на химической работѣ, всегда помня, что Библія не наука химія, а священная книга, научающая человѣка, готоваго внимать ея ученію, чистотѣ нравовъ. Я научаюсь отъ этой исторіи, что человѣческое сердце не можетъ быть безъ упражненія, и когда удаляется отъ сердца священная мысль, понятіе истины, духъ разума, то оно мгновенно повергается въ занятія подлыхъ, не согласныхъ съ высокимъ родомъ его, и чтить, величаетъ, боготворить презрѣнное, ничтожное, суетное. Этотъ разумъ исторіи назидаетъ меня, содѣйствуетъ моему внутреннему усовершенствованію много больше, чѣмъ какъ если бы я, узнавши, какъ золото моментально передѣлывать изъ всего и все въ него превра-

щать, занялся химієй и началъ богатѣть. Я вѣрю и знаю, что все то, что существуетъ въ великому мірѣ, существуетъ и въ маломъ, и что возможно въ маломъ мірѣ, то возможно и въ великому, по соотвѣтствію ихъ и единству все исполнющаго духа¹⁾. Но для чего стараюсь я знать, какъ и когда Моисей раздѣлилъ море жезломъ въ этомъ великому мірѣ, въ исторіи, а не научаюсь, какъ бы мнѣ въ маломъ моемъ мірѣ, въ сердцѣ, раздѣлить смѣсь склонностей природы непорочной и растлѣнной, и провести мою волю непотопленно по пути житейскаго моря".—Иногда разговоръ Сковороды съ Ковалѣнскимъ касался превратностей свѣта. „Онѣ суть то, чѣмъ должны бытъ: весна, лѣто, осень, зима суть свойства, неотдѣлимые отъ суточнаго круга. Все содержимое во времени „коловоратно“, конечно, измѣничиво: неразуменъ, несчастливъ тотъ, кто требуетъ отъ него постоянства и вѣчности! Если же въ немъ нѣтъ постоянства, то и любовь къ нему должна имѣть конецъ; отсюда печали, вздоханія, слезы, отчаянія. Не говори мнѣ о высокихъ чувственныхъ душахъ. Слезы суть изліяніе природы, а не привязанностей (*Est quae-dam flere voluptas*), и плакать въ свое время есть нѣкоторое утѣшеніе. Вѣчность ихъ! Одна вѣчность есть безпечность, постоянство, надежда. Вѣчность и время суть одинъ составъ, но не одно и то же: одно свѣтъ, другое тьма; одно добро, другое зло; одно глава, другое хвостъ".

Многіе въ окружности, желая видѣть Сковороду, пріѣзжали въ с. Хотетово. Такъ, однажды, орловскій губернскій прокуроръ подошелъ къ нему и привѣтливо сказалъ: Григорій Саввичъ! прошу любить меня.—„Могу ли любить васъ, отвѣчала Сковорода, я еще не знаю“. Другой разъ, директоръ экономіи, желая познакомиться съ нимъ, говорилъ: я давно знаю васъ по вашимъ сочиненіямъ; прошу доставить

¹⁾ Невольно припоминается здѣсь учение философа Лейбница о монадахъ въ ихъ представленной гармоніи.

мнѣ и личное знакомство ваше. Сковорода спросилъ: „какъ зовутъ васъ“? Я называюсь такъ-то. „Имя ваше не скоро ложится на мое сердце“, былъ отвѣтъ Сковороды. Нѣкоторые изъ „высокомудрствующихъ“ завидовали его талантамъ и изъ зависти говорили: „жалъ, что Сковорода ходить около истины и не находить ея“.

Не пропло и трѣхъ недѣль, какъ Сковорода началъ просить своего друга отпустить его въ любимую имъ Украину; въ ея сырой землѣ онъ хотѣлъ сложить свои кости, и, не смотря на убѣжденія, на чрезвычайно ненастную погоду, усилившійся кашель и разслабленіе и на трудность путешествія, поѣхалъ въ Украину въ августѣ 1794 года. „Останься у меня провести хоть зиму!“ умолялъ его Ковалѣнскій. „Духъ мой велитъ мнѣ ѿхать“, отвѣчалъ Сковорода, и другъ уже не сталъ его удерживать. Напутствуя его всѣмъ необходимымъ, сказалъ: „возьмите это; можетъ быть въ пути болѣзнь заставитъ гдѣ остановиться, то нужно будетъ заплатить!“.... „Ахъ, другъ мой! отвѣчалъ онъ: неужели я не пріобрѣлъ еще довѣрія къ Богу; промыслъ его вѣрно нечется о нась и даетъ все потребное во браговременіи?“ При разставаніи, обнимая друга, Сковорода сказалъ: „можетъ быть, больше уже не увижу тебя! Прости! помни всегда во всѣхъ твоихъ приключеніяхъ въ жизни то, о чёмъ мы часто говорили: свѣтъ и тьма, глава и хвостъ, добро и зло, вѣчность и время“. По пріѣздѣ въ Курскъ, онъ остановился, вслѣдствіе безпрерывныхъ дождей, у архимандрита Амвросія; отсюда отправился далѣе, въ Гусинку, излюбленное свое пустынножительство, но подъ конецъ пути у него явилось побужденіе ѿхать въ Ивановку, слободу помѣщика Ковалевскаго, отстоящую отъ Харькова въ 35 верстахъ. Болѣзни, преклонная старость, ненастье, усталость отъ пути мало-помалу приблизили его къ смерти. Сковорода прожилъ тутъ немного больше мѣсяца. По разказамъ старожиловъ, послѣднимъ земнымъ жилищемъ его была небольшая отдѣльная

комнатка, выходившая окнами въ садъ. Но онъ бывалъ въ ней очень рѣдко; обыкновенно или бесѣдовалъ съ хозяиномъ, также старикомъ, добрымъ и благочестивымъ, хотя крайне вспыльчивымъ, или ходилъ по саду и по полямъ. Всегда почти на ногахъ еще, онъ часто говоривалъ: „духъ бодръ, но тѣло немощно“. Однажды къ помѣщику собрались сосѣди послушать Сковороду. За обѣдомъ Сковорода былъ необычно веселъ и разговорчивъ, даже шутливъ, рассказывалъ про свое былое, про свои странствія, испытанія. Послѣ обѣда онъ вдругъ скрылся и, выбравъ удобное мѣсто на возвышенномъ берегу пруда, близь роши и гумна, началъ рыть яму—узкую длинную могилу. Когда спросилъ его хозяинъ, что это, чѣмъ онъ занятъ? Сковорода отвѣталъ: „пора, другъ, кончить странствіе! и такъ всѣ волосы слетѣли съ бѣдной головы отъ истязаній! пора успокоиться!“—„И, братъ, пустое! Полно шутить! Пойдемъ!“—Иду! но я буду просить тебя прежде, мой благодѣтель, пусть здѣсь будетъ моя послѣдняя могила съ надписью: „міръ ловилъ меня, но не поймалъ“... И Сковорода пошелъ въ свою комнатку, перемѣнилъ бѣлье, помолился Богу, положилъ подъ голову свои сочиненія и сѣрую свиту, легъ сложивши на-крестъ руки и умеръ 29 октября, по утру на разсвѣтѣ, 1794 года,—умеръ такъ, какъ только можетъ желать умереть философъ. Погребли его на указанномъ имъ мѣстѣ. Вотъ надгробная надпись ему, составленная его другомъ, Ковалѣнскимъ:

„Ревнитель истины, духовный богочтецъ,
 „И словомъ, и умомъ, и жизнью мудрецъ.
 „Любитель простоты и отъ суety свободы,
 „Безъ лести, другъ прямой, доволенъ всѣмъ всегда
 „Достигъ на верхъ наукъ познаній духъ природы,
 „Достойный для сердецъ примѣръ „Сковорода“.

Чрезъ 20 лѣтъ, тѣло Сковороды было перенесено въ другое мѣсто и похоронено въ саду священника, по старанію

одного изъ признательныхъ его учениковъ, П. Мещерякова, который, кажется, издалъ впослѣдствіи его портретъ съ выше приведеною стихотворною эпитафіей. Скоро имя Сковороды въ Ивановкѣ было почти совсѣмъ забыто, и къ могилѣ его не имѣли никакого уваженія. Отъ этого, по мнѣнію тамошнихъ жителей, происходили нерѣдко странныя событія и, большею частію, у тѣхъ, къ кому переходилъ садикъ съ могилою „философа“: или умирали неожиданно владѣльцы этого мѣста, или, чаше всего, спивались съ кругу. Къ прискорбію, и доселѣ на могилѣ этого великаго человѣка нѣть достойнаго памятника.

Сковорода оставилъ послѣ себя не мало сочиненій философско-богословскаго содержанія, оригинальныхъ и переводныхъ. Кроме того, отъ него осталось много стихотвореній и правоучительныхъ писемъ на русскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ, адресованныхъ имъ къ многочисленнымъ друзьямъ и знакомымъ.

Вотъ собственноручный списокъ его философско-богословскихъ сочиненій:

Оригинальныя сочиненія.

- 1) Наркизъ, узнай себя; 2) Симфонія: рѣхъ: сохраню пути моя; 3) Неграмотный Марко; 4) Симфонія: аще неувѣси; 5) Алфавитъ міра, о природѣ; 6) Разговоръ кольцо или дружескій разговоръ о душевномъ мирѣ; 7) Древній міръ; 8) Жена Лотова; 9) Брань архангела Михаила съ сатаною; 10) Икона Алківіадская; 11) Бесѣда I. Сіонъ; 12) Бесѣда II. Сіонъ; 13) Бесѣда III. Двоє; 14) Діалогъ: душа и нетлійный духъ; 15) Благодарный Еродій, 16) Асхань о познаніи себя; 17) О Христіанскомъ благонравіи или Катихизисъ; и 18) Йзраильской змії или о древнемъ змії или еще о Біблії.

Переводы:

1) О старости Цицероновой; 2) О Божиемъ правосудії;
 3) О смерти...; 4) О храненії отъ долговъ; 5) О спокойствії
 души; 6) О вожделѣніи богатствъ; и 7) Объ уединенії... Си-
 дронія. Всё это сочиненія Плутарха, кромъ послѣдняго.

Изъ стихотвореній Сковороды болѣе другихъ извѣстна
 его полудуховная, потусатирическая пѣсня:

„Всякому городу нравъ и права,

„Всяка имѣеть свой умъ голова.

„Всякому сердцу своя есть любовь,

„Всякому горлу свой есть вкусъ каковъ.

„А мнѣ одна только въ свѣтѣ думѣ,

„А мнѣ одно только не идетъ съ ума!

„Петръ для чиновъ углы панскіе третъ,

„Федыка купецъ при аршинѣ всѣ лжетъ.

„Тотъ строитъ домъ свой на новый манеръ,

„Тотъ всѣ въ процентахъ: пожалуй, повѣрь!

А мнѣ одна только въ свѣтѣ думѣ,

А мнѣ одно только не идетъ съ ума!

Тотъ непрестанно стягаетъ грунтѣ,

Сей иностранны заводить скота,

Тѣ формируютъ на ловлю собакъ,

Сихъ шумитъ домъ отъ гостей, какъ кабакъ.

А мнѣ одна только въ свѣтѣ думѣ,

А мнѣ одно только не идетъ съ ума!

Строить на свой тонъ юриста права,

Съ диспуту студенту трещитъ голова.

Тѣхъ беспокоить Венеринъ амуръ,

Всякому голову мучить свой дуръ.

А мнѣ одна только въ свѣтѣ думѣ,
Какъ бы умерти мнѣ не безъ ума!

Смерте страшна, замашная косо!

Ты не щадишь и царскихъ волосовъ!

Ты не глядишь, гдѣ мужикъ, а гдѣ царь!

Все жерепъ такъ, какъ солому пожартъ!

Кто-жъ на ея плюетъ острую сталь?...

Тотъ, чія совѣсть, какъ чистый хрусталь¹⁾!

Это стихотвореніе тогда же было переложено на музыку и распѣвалось бродячими пѣвцами, называемыми „слѣпцами-бандуристами“ на ярмаркахъ, перекресткахъ большихъ дорогъ и подъ окнами домохозяевъ. Эта пѣсня Сковороды, какъ и нѣкоторая другія его сатирическія пѣсни, известная въ Малороссіи болѣе подъ именемъ „ псалмовъ“ или „думъ“, въ которыхъ обличается имъ жизнь высшихъ классовъ общества, съ ея праздной и вредной суетой, съ ея отсутствиемъ истиннаго содержанія и смысла,—такъ усвоилась вездѣ въ малороссійскомъ народѣ, что вошла въ циклъ произведеній народнаго пѣсенного творчества и имѣетъ теперь уже нѣсколько вariantовъ.

Образцы нравоучительныхъ писемъ Сковороды приводились нами выше, хотя и въ отрывкахъ.

Нѣкоторая сочиненія Сковороды изданы въ 1837 году, заботами Московскаго Человѣколюбиваго Общества²⁾. Болѣе или менѣе полное собраніе его произведеній вышло въ 1860 году въ Петербургѣ въ одномъ небольшомъ томикѣ. Неизданнныя его сочиненія хранятся у разныхъ частныхъ лицъ.

¹⁾ Эта пѣсня помѣщена въ сборникѣ Сковороды „Садъ божественныхъ пѣсней“, подъ № 10.

²⁾ Изъ изданій этого „Общества“ подъ руками у насъ было сочиненіе Сковороды: „Дружескій разговоръ о душевномъ мірѣ“, посвящ. В. С. Тевяшеву.

II.

Изъ всѣхъ произведеній Сковороды самое большое вліяніе имѣли на народъ его сатирическія пѣсни, въ которыхъ замѣчается присутствіе нравоучительнаго элемента: „А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума, какъ-бы умерти мнѣ не безъ ума“, говорится въ пѣсни „Всякому городу нравъ и права“. Эта-то нравоучительная проповѣдь производила глубокое впечатлѣніе на всѣ слои украинскаго общества, тѣмъ болѣе, что она оправдывалась примѣромъ его собственной жизни, дѣйствовавшей на народъ сильнѣе всякихъ его произведеній. Уваженіе къ личности Сковороды простижалось до такой степени, что почитали за особенное благословеніе Божіе тому дому, гдѣ останавливался онъ хотя на одинъ день. Сковорода предпочиталъ всему уединенные пасѣки, но живалъ и въ домахъ сельскихъ священниковъ, и въ монастыряхъ, и въ помѣщичьихъ усадьбахъ, гдѣ, впрочемъ, лѣтомъ спалъ въ саду, подъ кустарникомъ, а зимой въ конюшнѣ. За отсутствіемъ въ то время въ Слободской Украинѣ науки и литературы, къ Сковородѣ стремились всѣ лучшіе тогдашніе умы и сердца. О немъ писали въ письмахъ другъ къ другу, толковали, спорили, разбирали его, любили или ненавидѣли, хвалили или порицали, а главное, всѣ имѣ интересовались, и двери всѣхъ были для него раскрыты настежь. Можно сказать, что по степени уваженія, которымъ онъ пользовался, его можно было назвать „странствующимъ университетомъ и академіей тогдашнихъ украинскихъ помѣщиковъ“¹⁾, пока наконецъ черезъ 10 лѣтъ послѣ его смерти, бессмертный подвигъ В. Каразина не послужилъ къ открытию на Украинѣ первого университета. Каразинъ такъ легко успѣлъ въ своемъ дѣлѣ потому, что въ 1803 году первые изъ подписавшихся дворянъ на огромную и по ны-

¹⁾ Г. П. Давилевскій, „Украинская Старина“, стр. 53.

нѣшнему курсу сумму въ 618,000 руб. для основанія университета были всѣ или ученики, или друзья, или короткіе знакомые Сковороды, такъ-что этотъ, можно сказать, безпримѣрный въ лѣтописяхъ русскаго просвѣщенія фактъ слѣдуетъ приписать не только драматическимъ жестамъ Каразина, на колѣньяхъ умолявшаго дворянство о средствахъ на университетъ, но еще больше обаятельной личности Сковороды и той неустанной проповѣди, какую велъ онъ десятки лѣтъ. Сковорода могъ бы составить себѣ подарками порядочное состояніе. Но, что ему ни предлагали, сколько ни просили, онъ всегда отказывался, говоря: „давайте тѣмъ, кто нуждается больше меня“ и самъ довольствовался только простонародной свиткой съ „видлогою“. Эта простонародная свита, „чоботы“ про запасъ, посохъ—„журавль“ въ рукахъ, сопилка за поясомъ и „торба“¹⁾ съ нѣсколькими книгами и рукописями за плечами—вотъ все, что онъ имѣлъ. Потребности его были до-нельзя ограничены: Ѣлъ онъ крайне умѣренно, и то разъ въ сутки, мяса не Ѣлъ вовсе, изъ-за чего, какъ известно, потерпѣлъ даже обвиненіе въ манихейской ереси. Живя въ Харьковѣ, въ качествѣ учителя коллегіума, онъ, по словамъ Ковалѣнскаго, „спаль въ сутки не болѣе четырехъ часовъ; вставалъ до зари и, когда позволяла погода, пѣшкомъ отправлялся за городъ гулять; всегда весель, бодръ, подвиженъ, воздерженъ, цѣломудръ, всѣмъ доволенъ, благодушествующъ, униженъ предъ всѣми, словохотливъ, гдѣ не принуждаютъ говорить, изъ всего выводящій нравоученіе, почтителенъ ко всякому состоянію людей, посѣщалъ больныхъ, утѣшалъ печальныхъ, раздѣлялъ послѣднее съ неимущими, выбиралъ и любилъ друзей по сердцу ихъ, имѣлъ набожность безъ суевѣрія, ученье безъ киченія, обхожденіе безъ лести“. Крайнее ограни-

¹⁾ Магистръ Кіевской академіи, Симеонъ Рудзинскій до того уважалъ Сковороду, что даже описалъ и срисовалъ эту его торбу, оставленную у его отца.

ченіе потребностей тѣла, при постоянномъ духовномъ углубленіи и взыраженіи и всепѣломъ сосредоточеніи на интересахъ духа, утончили некоторые способности Сковороды до необычайныхъ размѣровъ, и известные случаи приписываемой ему современниками духовной прозорливости составляютъ явленіе объяснимое и психологически.

При всемъ томъ Сковорода совсѣмъ не былъ аскетомъ. Для этого онъ слишкомъ любилъ природу, музыку: флейта была неразлучною его спутницей; ходя изъ города въ городъ, изъ села въ село, по дорогѣ онъ всегда или пѣлъ, или, вынувъ изъ-за пояса любимицу свою, наигрывалъ на ней свои фантазіи. Онъ не уклонялся въ пріятельскихъ собраніяхъ отъ веселой бесѣды, хотя бы она даже и одушевлялась, по существовавшему въ то время обычаяу, употребленіемъ малороссійской наливки. Въ концѣ своего письма къ харьковскому купцу Урюпину, отъ 2 июля 1790 года, Сковорода выражается такъ: „пришлите мнѣ ножикъ съ печаткою. Великою печатью не кстати и не люблю моихъ писемъ печатать. Люблю печататься еленемъ. Уворовано моего елена тогда, когда я у васъ въ Харьковъ тировалъ и боянилъ. Достойно!—Боченки оба отсылаются, вашъ и Дубровина“. По преданію старожиловъ, Сковорода разъ чуть было даже не женился, хотя остался все-таки холостякомъ. Случилось это съ нимъ въ Валковскихъ „хуторахъ“ около 1765 года, когда ему исполнилось уже 43 года. Свернувъ съ какой-то дороги на проселокъ, а отсюда на огороды, онъ очутился въ садикѣ, близъ пасѣки, гдѣ увидѣлъ дѣвушку, распѣвшую пѣсни. Незнакомецъ познакомился съ отцемъ ея, оригинальнымъ „хуторяниномъ“, по прозванію „Майоръ“, часто бесѣдовалъ въ нимъ, училъ его дочку; дочка заболѣла горячкой; онъ сталъ ее лѣчить. Тутъ Сковородѣ и приглянулась дочка Майора; его помолвили, поставили подъ вѣнецъ. Но природа мудреца беретъ верхъ, и онъ буквально ушелъ изъ-подъ вѣнца.

Являясь наставникомъ всѣхъ классовъ мѣстного общества, Сковорода особенно любилъ наставлять простой народъ, и его нравственное вліяніе на простолюдиновъ было весьма благодѣтельно. „Страсть его, говоритъ сенаторъ Лубяновскій¹⁾, лично видѣвшій Сковороду, была жить въ крестьянскомъ кругу; любилъ онъ переходить изъ слободы въ слободу, изъ села въ село, изъ хутора въ хуторъ; вездѣ и всѣми былъ встрѣчаемъ и провожаемъ до „обаченъ“ съ любовью; у всѣхъ онъ былъ свой... Жители тѣхъ особенно слободъ и хуторовъ, гдѣ онъ чаше и болѣе остался, любили его, какъ родного. Онъ отдавалъ имъ все, что имѣлъ: не золото и серебро, а добрые совѣты, увѣщанія, наставленія, дружескіе попреки за несогласія, неправду, нетрезвость, недобросовѣстность, мнился такимъ образомъ приносить ближнему службу и имѣлъ отраду не въ одномъ мѣстѣ не находить уже ни прежнихъ, противныхъ чистотѣ нравовъ, общачаевъ, ни раздора, ни суетлія; утѣшался, что трудъ страннической жизни не совсѣмъ былъ безплоденъ. Въ проѣздѣ мой, продолжаетъ Лубяновскій, въ 1831 году чрезъ харьковскую губернію встрѣтилъ я на почтовой станціи старика крестьянина и вздумалъ спросить его, помнятъ ли они Сковороду. „Сковорода, отвѣчалъ онъ, былъ человѣкъ разумный и добрый, училъ и насы добру, страху Божію и упованію на милосердіе распятаго за грѣхи наши Господа нашего Іисуса Христа. Когда начнетъ бывало разсказывать намъ страсти Господни, или блуднаго сына, или доброго пастыря, сердце бывало до того размягчится, что заплачешь: вѣчная память Сковородѣ“. Простонародность была для Сковороды, казацкаго сына, съ одной стороны естественнымъ проявленіемъ его симпатій, съ другой—сознательнымъ принципомъ. Онъ страстно любилъ прекрасную природу Малороссіи, ея языки, пѣс-

¹⁾ „Русскій Архивъ“ 1872 г., стр. 106. 7.

ни, нравы, обычай, любилъ такъ, что не могъ разстаться съ родиной. Императрица Екатерина II слышала о Сковородѣ, дивилась его жизни, уважала его славу, и однажды, чрезъ князя Потемкина, послала ему приглашеніе изъ Украины переселиться въ столицу. Посланный отъ Потемкина нашелъ Сковороду съ флейтою у дороги, возлѣ которой паслись овцы хозяина, пріютившаго его на время. Сковорода, выслушавъ приглашеніе, отвѣтилъ: скажите матушкѣ—царицѣ, что я не покину родины: „мнѣ моя свирѣль и овца дороже царскаго вѣнца“. По отношенію же собственно къ народу любовь Сковороды являлась въ освѣщеніи его сознательною мыслю. „Знаніе не должно узить своего изліянія на однихъ жрецовъ науки, которые жрутъ и пресыщаются, писалъ онъ одному изъ своихъ друзей,—но должно переходить на весь народъ, войти въ народъ, и водвориться въ сердцѣ и душѣ всѣхъ тѣхъ, кои имѣютъ правду осознать: и я чѣловѣкъ, и мнѣ, что человѣческое, то не чуждо!“¹⁾). Что онъ разумѣлъ подъ словомъ народъ,—ясно изъ всей его жизни: не ограничиваясь ни мѣстомъ, ни временемъ, онъ, по оставленіи учительства въ школѣ, училъ всюду, гдѣ могъ—въ „хатахъ“, на распутяхъ, на торжищахъ, у кладбища, на папертяхъ церковныхъ, на праздникахъ, когда, по его острому словцу, „скачетъ пьяная воля“, и во дни страды, когда при бездождіи потъ поливаетъ землю. Да и въ дошедшихъ до насъ его сочиненіяхъ Сковорода не разъ называетъ свое ученіе „простонародною тканкою и плеткою“, а себя—другомъ поселянъ, чужимъ для тѣхъ ученыхъ, которые столь горды, что не хотятъ и говорить съ простолюдиномъ, и онъ гордится именемъ народнаго учителя, презирая кривые толки и насмѣшки педантовъ своего времени. „Надо мною „позоруются“ (по поводу его учительства въ простомъ народѣ); пусть позоруются;

¹⁾ „Софросина, сирѣчъ толкованіе на вопросъ: что намъ нужно есть“.

о мнѣ „бають“, что я ношу свѣчу предъ слѣпцами, а безъ очей не узрѣть свѣтока: пускай бають; на меня острять, что я звонарь для глухихъ, а глухому не до звону: пускай острять; они знаютъ свое, а я знаю свое, и дѣлаю свое, какъ я знаю, и моя тяга мнѣ успокеніе¹⁾). „Барская умность, пишетъ Сковорода, будто простой народъ есть черный, кажется мнѣ смѣшною, какъ и умность тѣхъ названныхъ философовъ, что земля есть мертвая. Какъ мертвай матери рождать живыхъ дѣтей? И какъ изъ утробы чернаго народа „вылонились“ бѣлые господа? Смѣшно и мудрованіе, что будто сонъ есть остановка и перерывъ жизни человѣка, я право не вижу толку въ междужитіи и междусмертіи: ибо что такое живая смерть и мертвая жизнь. О, докторы и философы! Сонъ есть часть жизни, т. е. живая смѣна въ явленіи жизни, въ которой замыкаются прелести вѣнчанаго міра и отворяются духовныя мечты, чтобы свергнуть познаніе свыше, изъ внутренняго міра. Мудрствуютъ: простой народъ спитъ,—пускай спитъ и сномъ крѣпкимъ, богатырскимъ; но всякий сонъ есть пробудный, и кто спитъ, тотъ не мертвичина и не трупище околѣвшее. Когда выснится, такъ проснется, когда намечтается, такъ очнется, и забодрствуетъ²⁾). Во второй половинѣ прошлаго столѣтія произошло въ южной Россіи закрѣпощеніе крестьянъ³⁾). Казачество, еще недавно главный элементъ общественнаго строя Малороссіи, перешло въ то время на положеніе мелкихъ землевладѣльцевъ, хлѣбопашцевъ и „чумаковъ“, безъ всякихъ притязаній на какое-либо политическое значеніе; казацкая старшина образовала новое дворянство; всѣ же свободные люди, какъ земельные собственники, такъ и безземельные, подпадали крѣпостной зависимости отъ новыхъ дворянъ. И вотъ Сковорода представляетъ изъ

¹⁾ Письмо къ архіею Григорію Конисскому изъ Нѣжина, 1769 г.

²⁾ „О внутреннемъ человѣкѣ“. Разговоръ І. Симфонія о народахъ. Гласъ П.

³⁾ См. „Русское Богатство“, 1894 г., № 2, стр. 29—52.

себя живой протестъ противъ развивающагося крѣпостничества и униженія поселянъ въ несправедливомъ и обидномъ названіи ихъ „чернымъ народомъ“. На югѣ Россіи это былъ первый проблескъ литературнаго протеста противъ приниженія простого народа, и потому Сковорода полагаетъ въ этомъ своемъ свѣтломъ ученіи „новую славу“. Въ одной изъ своихъ драмъ, или, по его надписанію, „видѣній“, онъ поэтически изобразилъ свою „прю“ съ бѣсомъ, враждovавшимъ противъ его новой славы¹⁾.

Вращаясь преимущественно въ средѣ простонародья, Сковорода старался изучить его природу, его волю, языкъ и обычаи: ибо, по его мысли, „учитель—не учитель, а только служитель природы“. Этую мысль онъ прекрасно развилъ чрезъ уподобленія: „Сокола скоро научишь летать, но не черепаху. Орла во мгновеніе научишь взирать на солнце и забавляться, но не сову. Олея легко направишь на кавказскія горы и привлечешь пить безъ труда изъ чистѣйшихъ нагорныхъ водоточей, но не верблюда и не вепря. Всякое дѣло спѣетъ собою, и наука спѣетъ собою. Клубокъ самъ собою покотится съ горы, отними только препятствующій камень преткновенія. Не учи его катиться, а только пособляй“²⁾. Въ объясненіе этихъ словъ приведемъ еще мысли Сковороды о народномъ

1) „Демонъ: слышь „Варсава“! (псевдонимъ Сковороды: по еврейски варъ-сынъ Саввы). Младенческий умъ, сердце безобразное, душа, исполненная паучинъ, не получающая, но получающая! Ты ли творецъ новыя славы?—Варсава: мы то, Божію милостію, рабы Господни и дерзаемъ благовѣстить новую славу.—Демонъ: нынѣ, не обинуясь, провѣщай вину, отъ чего мое вѣхое жилище въ мірѣдѣ кратъ многолюднѣ твоего новаго?—Варсава: темнорѣчиши! открои, если можешь, откровеніе бездну твоего сердца.—Демонъ: о, апокалиптика! о, странность въ словѣ, стропотность въ пути, трудность въ дѣлѣ: вотъ троеродный источникъ новыя пустыни.—Варсава: и лжешь, и темнорѣчиши! Кто можетъ поднять на пути золото или бисеръ, мнишій быги нѣчто бесполезное? Какой тетеревъ не дерзнетъ вскочить въ сѣть или западню, почитая ее рогомъ изобілія? Какой ягнёнокъ не устрашится матери, творящейся волкомъ, и не прильнеть къ волку, представляя его матерью? Не вину міра, не вини и славы новыя!.. Кто же виненъ? Ты, враже! ты, убранченка гробница! См. „Телескопъ“ 1835 г., ч. 26, стр 163. 169, статья Хиждеу.

воспитаніи: „учителю надлежить быть вездѣсущимъ въ народѣ: ибо „изводѣ“ образованія долженъ быть изъ народа, для народа, народный; долгъ же учителя познать необходимость, мѣру, примѣръ и свойство „исты“ образованія, и сочетать себя съ народомъ, т. е. изводѣ съ истою или форму съ идеей. Какое идолопоклонство восписывать выписаннымъ мудрецамъ и паемнымъ учителямъ изъ нѣмцевъ и французовъ силу восприносить и воспричтать чуждому воспитанію! Самое воспитаніе скрывается въ природѣ каждого народа, какъ огонь и свѣтъ невидимо скрываются въ кремешкѣ. Приставъ же губку либо трутъ, не пожалѣй руки и ударъ кресаломъ и выкрасишь огонь у себя дома, и не будешь ходить по съѣднимъ хатамъ съ „трепетицею“, кланяться и просить займи мнѣ огня!.. Учителю подобаетъ быть изъ среды народа русскаго, а не нѣмцу и не французу. Не чуждому воспитанію должно быть привиту къ русскому человѣку, а своему родному. Нужно его умѣть силой найти, выработать его изъ нашей же жизни, чтобы снова осмысленнымъ образомъ его обратить въ нашу же жизнь“.

Изъ-подъ простонародной вѣшности Сковороды въ значительной степени проглядывала та складка, которую наложилъ когда-то на него школьный схоластицизмъ. Вліяніе схоластической школы на Сковороду сказывается въ языке его сочиненій, характерѣ изложенія и даже въ формѣ заглавій. Заглавіе его сборника „садъ божественныхъ пѣсней“ отзывается школьнымъ направленіемъ и напоминаетъ подобные заглавія южно-русскихъ сборниковъ проповѣдей, какъ напр. „Огородокъ Божіей Матери“ Радивиловскаго. Не безъ вліянія школы, можно полагать, въ Сковородѣ окрѣпла наклонность къ странничеству. Въ Малороссіи всегда были странствующія личности. Семинарское начальство, напр., отпускало иногда учениковъ на испрошеніе пособій, или репетицій. Такіе ходоки занимались большею частію пѣніемъ по домамъ

и церквамъ, или проживали у священниковъ и помѣщиковъ въ качествѣ домашнихъ наставниковъ¹⁾). Вольная жизнь лѣтомъ на воздухѣ, въ переходахъ изъ села въ село, вдали отъ сумрачныхъ классныхъ помѣщений и строгихъ внушений школьнаго начальства—всё это вырабатывало въ школьникахъ наклонность къ странствованіямъ. Не трудно было подыскать для выработавшейся наклонности теоретическое основаніе, и философъ Скворода подыскалъ такое основаніе для своей страннической жизни. Вотъ что говоритъ онъ самъ о своей жизни: „что жизнь? То сонъ турка,upoенного опіумомъ,—сонъ страшный: и голова болить отъ него, сердце стенаеть. Что жизнь? То странствіе. Прокладываю и себѣ дорогу, не зная, куда идти, зачѣмъ идти. И всегда блуждаю между песчаными степями, колючими кустарниками, горными утѣсами,—а буря надъ головою, и негдѣ укрыться отъ нея. Но-бодрствуй“! Малороссійскіе бродячіе элементы выражались еще въ формѣ такъ-называемыхъ „мандреванныхъ дѣяковъ“²⁾ и „старцевъ“. Дѣячки въ старину занимались въ Малороссіи, по добровольному соглашенію съ прихожанами, не только для чтенія и пѣнія въ церквяхъ, но и для ученія въ церковныхъ школахъ. Учителъ дѣякъ при школѣ, обучая будущаго такого же дѣяка, обыкновенно говорилъ ему: какъ станешь самъ учителемъ, *учи такъ, чтобъ не отбилъ школы!* т. е. не открывай своему ученику *всего*, чтобы ученикъ у тебя не отбилъ въ приходѣ школы. Вотъ этого-то *всего* и старались узнать разными хитростями у своихъ учителей поступающіе въ школы дѣячки. Для этого-то они и переходили изъ школы въ школу, бродили по селамъ, „мандревали“ по-малороссійски. Мандреванный дѣякъ являлся въ школу, притворялся ничего незнающимъ, узнавалъ часть нужныхъ свѣдѣній у одного

¹⁾ Они обезсмертятіи гоголевскаго Вія.

²⁾ См. „Отечественные Записки“ 1864 г., т. CLIII, стр. 272. Українскій дѣякъ характерно обрисованъ Квиттой-Основьяненко въ его Панѣ — Хадавскомъ.

учителя-дьяка, часть у другого, шель дальше и скоро становился самъ знающимъ всѣ, перехитривши своихъ учителей, изъ которыхъ каждый въ свою очередь выросъ на той-же поговоркѣ: „учи такъ, чтобъ не отбилъ школы“. Нѣкоторые изъ мандрованныхъ дьяковъ переходили изъ одной школы въ другую чуть ли не цѣлую жизнь. Одинъ, напр., ходилъ въ дьячковскомъ званіи 27 лѣтъ, другой—Козьма Шаадинъ—цѣлыхъ 50 лѣтъ (съ 20 до 70 лѣтнаго возраста). Скиタルчество послѣдняго вошло въ такую привычку, что даже женитьба и рожденіе сына не измѣнили его образа жизни, и онъ на 70-мъ году жизни предсталъ предъ судомъ какъ безпаспортный¹⁾. Что касается старцевъ, то это были люди, оставшіеся, по стеченію неблагопріятныхъ обстоятельствъ, безъ родства, и вынужденные жить постороннею помощью; но за эту помощь они платили знаніями и жизненнымъ опытомъ, приобрѣтыми, по способу пѣшаго хожденія. Такую именно „простую, беспечную и уединительную“ роль мандрованного дьяка или старца и выбралъ себѣ Скворода, съ тою существенною особенностью по сравненію съ ними, что онъ представлялъ изъ себя для совремѣнниковъ цѣлый „странствующій университетъ и академію“ и что для него были открыты двери не только крестьянскихъ избъ, но и панскихъ палатъ.

III.

Мы сказали, что Скворода, при всей строгой жизни своей, всѣ-таки не былъ аскетомъ. Соответственно этому и философія его не была философіей самоотреченія и скорби, но скорѣе философіей самодовольства и счастія. Называя „всякія почести „мышеловкой“ для души своей, Скворода не разъ говоривалъ: „я всѣ пока ничто; какъ стану что, то съ меня ничто. Добрый человѣкъ вездѣ найдетъ насущный хлѣбъ у людей, а воду дастъ ему замля безъ платы, лишнее не нужно“.

¹⁾ Заселеніе харьковскаго края... Багачка, 1889 г. стр. 25.

Нѣкоторые изъ современниковъ Сковороды сравнивали его съ Ломоносовымъ; но отъ этого сравненія самъ онъ благоразумно отказывался. „Меня, говорилъ Сковорода, хотятъ мѣрить Ломоносовымъ, какъ будто Ломоносовъ—казенная сажень, которую также всякаго должно мѣрить, какъ портной однимъ аршиномъ мѣрить и парчу, и шелковую матерію и рядину. Пропу господь не закрывать мнѣ своихъ восковыхъ чучель, я ваяю не изъ воску, а изъ мѣди и камня. Мнѣ не нужны подорожныя: я отважно вступаю въ море не для прогулки, чтобы вилять изъ губы въ губу, но чтобы объѣхать землю и открыть новый свѣтъ“. Ближе къ истинѣ были тѣ изъ современниковъ, которые называли Сковороду русскимъ Сократомъ; ибо онъ и самъ избралъ въ образецъ своей дѣятельности Сократа, какъ это видно изъ слѣдующаго мѣста: „Какъ мы слѣпы въ томъ, что нужно намъ... На Руси многие хотятъ быть Платонами, Аристотелями, Зенонами, Эпикурами, а о томъ не думаютъ, что Академія, Лицей и Портикъ произошли изъ науки Сократовой, какъ изъ яичнаго желтка выводится цыплёнокъ. Пока не будемъ имѣть своего Сократа, до тѣхъ поръ не быть ни своему Платону, ни другому философу. ...Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ! Скоро ли ниспоплѣшь намъ Сократа, который бы научилъ насъ прежде всего познанію себя, а когда мы познаемъ себя, тогда сами изъ себя вывьемъ науку, которая будетъ наша, своя, природная... Да святится имя Твое въ мысляхъ и помышленіяхъ раба Твоего, который задумалъ и пожелалъ быть Сократомъ въ Руسي; но русская земля обширнѣе греческой, и не такъ-то легко будетъ ему скоро обхватить Руся своею проповѣдью. Да приидетъ царствіе Твое, и тогда посѣянное зерно по слову Твоему взойдетъ яко кринъ, и тогда я выпилъ бы стаканъ „цикуты“, какъ медовая соты. Non fugio mortem, si famam assequar“...

И дѣйствительно, Сковорода, какъ „первый русскій фило-

¹⁾ „Софросина, сирѣть толковоніе на вопросъ: что вамъ нужно есть“.

софъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова¹⁾, во многомъ напоминаетъ собою отца греческой философіи— Сократа²⁾.

По ученію Сковороды, какъ и Сократа, основнымъ началомъ и условiemъ познанія является самопознаніе. „Троекое есть познаніе себя, говорить Сковорода, и кто не поналъ себя троеко, тотъ не знаетъ себя, ибо кто знаетъ себя съ одной стороны, а не знаетъ себя съ прочихъ сторонъ, тотъ все равно, что ничего не знаетъ о себѣ. Первое познаніе есть познаніе себя какъ бытія самоличнаго, самоособнаго, самосущаго, т. е. какъ человѣка, отъ всѣхъ людей отличнаго, только на самого себя похожаго... Вспомни пословицу: всякъ Еремѣй про себя разумѣй. Всякій долженъ узнать себя, свою природу: чего она ищетъ? куда ведетъ? и какъ ведетъ? И ей послѣдовать безъ всякаго отнюдь насилия, но съ глубочайшою покорностію. Конь ли ты? Возьми сѣдока. Воль ли ты? Носи ярмо. Песъ ли ты? Лови зайца. „Дарцкой“ ли? Дави медвѣдя... Другое познаніе есть познаніе себя, какъ бытія обще-жительнаго, гражданскаго, народнаго, государственнаго, т. е. какъ человѣка, сличеннаго съ другими „истоюю“ вѣры, закона, обычая и языка, и похожаго на другихъ людей, живущихъ вмѣстѣ на одной землѣ, которой имя, родина, отчизна, рѣчь общи. Всякій долженъ узнать свой народъ, и въ народѣ себя. Русь ли ты? будь ею: вѣрь православно, служи царицѣ (Екатеринѣ II) право, люби братію „нравно“. Ляхъ ли ты? лахъ будь. Нѣмецъ ли ты? немѣчтвуй. Французъ ли? французуй. Татаринъ ли? татарствуй. Все хорошо на своемъ мѣстѣ и въ своей мѣрѣ, и все прекрасно, что чисто природно, т. е. не поддѣлано, не подмѣшано, но по своему роду. Не будь ни тепелъ, ни холденъ, да не изблюютъ тебя. Русь не русская представляется мнѣ диковинкою, какъ если бы родился человѣкъ съ рыбимъ хвостомъ или съ собачьей

¹⁾ См. приложеніе къ переводу „Исторія новой философіи“ Ибервега, сдѣланному Колубовскимъ.

²⁾ См. „Вопросы философіи и психологіи“, 1894 г., май, стр. 205 и д., статья Ф. А. Зленогорскаго.

головою... Третье познаніе есть познаніе себя, какъ бытія сътвореннаго по образу и по подобію Божію, общаго со всякимъ человѣческимъ бытіемъ. Посреди насъ живетъ то, что есть превыше всего... По первому познанію ты узнаешь свое собство, почему ты Еремѣй и какой ты Еремѣй. По второму ты узнаешь свою стать: почему ты Русь? И какова Русь? По третьему ты узнаёшь свою общность, почему ты человѣкъ? И что есть человѣчество? По всему ты узнаешь себя и отлично и слично...“ Сковорода не согласенъ съ тѣми философами, которые проповѣдывали одностороннее познаніе себя, и въ этомъ отношеніи не дѣлаетъ исключенія даже для Сократа. У Грековъ находитъ онъ трехъ апостоловъ самопознанія: „великаго незнакомца“, написавшаго на храмѣ дельфійскаго оракула знаменитое: познай самого себя,—Солона и Сократа; но дельфійская надпись относится къ познанію себя, какъ *individuum*, Солонъ училъ познанію себя, какъ гражданина *in statu*, Сократъ имѣлъ въ виду познаніе себя, какъ человѣка вообще *in genere*. „Что есть человѣкъ одинокій, спрашивается Сковорода, уединяющійся отъ другихъ людей, погружающійся въ думу объ одномъ себѣ? Круглый сирота, безродное дитя, бездѣтный родитель. Что есть гражданинъ въ народѣ, чуждающемся другихъ народовъ, замкнутомъ въ своей наличности? То, что и его народъ, т. е. бытіе рождающееся, существующее и рождающее и притомъ только въ пространствѣ, а не во времени, объединяющее собою мѣста, а не вѣка,—опредѣленіе: подлежащее географіи, а не исторіи. Что же есть тотъ, кто отожествляетъ себя въ познаніи съ цѣлымъ человѣчествомъ, космополитъ? Собака въ Езоповой баснѣ, которая нарочно упустила наличный кусокъ мяса, и бросила въ рѣку, чтобы уловить его тѣнь“. Спаситель, по убѣжденію Сковороды, первый училъ полному, т. е. троякому самопознанію.

Жизнь Сковороды, какъ и Сократа, развивалась изъ однихъ и тѣхъ же началь: энтузіазма, погружавшаго его ко-

нечное сознаніе въ воодушевленное исповѣданіе безконечного и ироніи, представлявшей конечное въ формѣ шутки или забавы.

Къ своимъ философскимъ „догматамъ“ и къ своей миссии, какъ проповѣдника этихъ догматовъ, Сковорода относился, можно сказать, съ религиознымъ энтузіазмомъ. Выдавая себя за русскаго Сократа, онъ восторженно спрашиваетъ: „И кто будетъ по нашемъ Сократъ нашимъ Платономъ? что будетъ, то будетъ; а кто будетъ? Богъ вѣсть. Мое дѣло та-перешнее, а то—grata superveniet, quae non sperabitur hora—само придетъ, когда настанетъ пора. Сковорода чувствуетъ, что настало время нарожденія философіи въ Россіи. Оно уже треплется во чревѣ матери своей; но только Елизавета слышитъ, какъ взыгрался младенецъ во чревѣ ея. Что мнѣ есть любезнѣе на небеси и на земли: точію поучатися святыни? Обучаться и вмѣстѣ обучать братію добродѣтели...¹⁾). Согрѣлось мое сердце, и въ моемъ поученіи разгорается огонь; что я говорю, то глаголю отъ избытка сердца, а не для того только, чтобы говорить, или чтобы не молчать²⁾). Энтузіазмъ Сковороды доходилъ до того, что по временамъ его можно посчитать за настоящаго теоманта, испытавшаго всѣ переходы вдохновенія. Ему въ энтузіазмѣ казалось, что его духъ, носимый въ океанѣ безпредѣльныхъ идей, какъ бы осаждаетъ вселенную въ ея безконечности. Сковорода имѣлъ ясную и чисто логическимъ путемъ построенную философскую систему, о которой рѣчь впереди; но ему какъ-то холодно становилось на этихъ философскихъ высотахъ, и онъ погружался въ бездну мистического энтузіазма. Энтузіазмъ Сковороды преимущественно обнаружился: 1) въ извѣстномъ его видѣніи, въ которомъ представлена борьба старого и нового образованія подъ видомъ „При бѣса съ Варсавой“, 2) въ разсужденіи „объ израильскомъ зміѣ“, полномъ мистическихъ аллегорій и 3) въ сочиненіи „Лотова жена“, въ которомъ изложены главныя основанія его философской мистики.

¹⁾ „Софрасина, сирѣнь толкованіе на вопросы: что намъ нужно есть“.

²⁾ Изъ письма къ протопопу Залѣсскому изъ Обуховки, 1755 года.

Въ энтузіазмѣ Сковороды сказалось религіозно-мистическое направление духовнаго настроения европейскаго и вмѣстѣ русскаго общества второй половины прошлаго вѣка, извѣстное подъ именемъ масонства. Заглавія прозаическихъ сочиненій Сковороды, какъ напр., „Начальная дверь къ христіанскому добронравію“, или Діалогъ—душа и нетлѣнныи духъ“, составлены въ духѣ этого направленія. Сковорода не былъ масономъ, но онъ воспитался въ той мистической средѣ, которая питала масонство и между нимъ и масонами можно находить общія точки соприкосновенія, напр. въ видѣ уклоненія его отъ некоторыхъ церковныхъ обрядовъ. Однажды, говорить преданіе, епископъ воронежскій Тихонъ III, въ разговорѣ съ нимъ, спросилъ: „почему не ходите въ церковь“?—Если Вамъ угодно, я завтра же пойду“.—И онъ исполнилъ желаніе епископа. Другой разъ, въ церкви, въ тотъ моментъ, когда священникъ, выйдя изъ алтаря съ дарами, произнѣсъ: „со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите“,—Сковорода отдался отъ толпы и подошелъ къ священнику. Послѣдній, зная странности Сковороды и боясь пріобщить нераскаявшагося, спросилъ его: „знаешь ли ты, какой великий грѣхъ можешь совершить, не приготовившись? И готовъ ли ты къ сему великому таинству?“—Знаю и готовъ, отвѣчалъ Сковорода, и духовникъ, вѣря его словамъ, пріобщилъ его. Подобное равнодушіе къ церковной обрядности, при всѣмъ своемъ благочестіи, обнаружилъ Сковорода и предъ смертю, когда онъ, по словамъ Ковалѣнскаго, отказался было отъ исповѣди и св. причастія, но потомъ „представя себѣ совѣсть слабыхъ“, исполнилъ все по уставу. Религіозный мистицизмъ окрѣпъ въ Сковородѣ послѣ его путешествія въ Германію, гдѣ повсюду тогда господствовали мистики и квіетисты. Поэтому, между прочимъ, Сковорода, побывавши въ этой странѣ, навсегда сохранилъ предпочтеніе къ ней предъ всѣми прочими странами, исключая родину своей, Малороссію.

Энтузіазмъ Сковороды, равно какъ и Сократа, представ-

ляетъ изъ себя только положительное начало жизни; отрицательное же начало — иронія, бывшая большею частію прикрытиемъ его энтузіазма: ея игравая молнія всего чаще отражалась тогда, когда обнаруживала высшую степень восторга. Слѣдующій отрывокъ изъ письма Сковороды къ его другу Аѳанасию Панкову¹⁾ раскрываетъ духъ и характеръ его ироніи. „Отеческое наказаніе, пишетъ онъ, заключаетъ въ своей горести сладость, а мудрая игрушка утасываетъ въ себѣ силу. Глупую важность встрѣчаютъ по виду, выпровожаютъ по смѣху, а разумную шутку печатлѣютъ важный конецъ. Нѣть смѣшище, какъ ученый видъ съ пустымъ потрохомъ, и нѣть веселѣе, какъ смѣшное лицо съ утаенною дальностію; вспомните пословицу: красна хата не углами, но пирогами. Я и самъ не люблю поддѣльной маски тѣхъ людей и дѣлъ, о которыхъ можно сказать малороссійскую пословицу: стучитъ, шумитъ, гремитъ. А что тамъ? Кобылья мертвага голова бѣжитъ. Говорятъ и великороссійцы: летала высоко, и сѣла недалеко, о тѣхъ, что богато и красно говорятъ, а нечего слушать. Не люба мнѣ эта пустая надменность и пышная пустота; а люблю то, что сверху ничто, но въ срединѣ что; снаружи ложь, но внутри истина. Картинка сверху смѣшина, но внутри богољпна... Не по кошельку суди сокровище. Праведенъ судъ судитъ!... Иногда во вретищи кроется драгоценнѣйший камень“. Иронія Сковороды простидалась до того, что онъ иронизировалъ даже надъ своимъ собственнымъ именемъ. Въ 1787 году императрица Екатерина II, проѣздомъ чрезъ Україну, много наслышавшись о Сковородѣ, увидѣла его и спросила: „отчего ты такой черный?“ — „Э! вельможная мата, отвѣчалъ философъ: гдѣ же ты видѣла, чтобы сковорода была бѣлая, коли на ней пекутъ да жарятъ, и она всѣ въ огнѣ?“

¹⁾ Письмо это напечатано, въ видѣ предисловія, при „Басняхъ харьковскихъ“ Сковороды, Москва, 1837 г., съ помѣткою 1774 года.

Переходя къ изложению философского міровоззрѣнія Сковороды, предварительно замѣтимъ, что онъ, какъ мы видѣли и раньше, постоянно старался связывать свое философское ученіе съ церковной традиціей, въ которой онъ выросъ, и въ которой жило все его окружавшее. При этомъ онъ часто прибѣгалъ къ аллегоріи, пытаясь образами и понятіями біблейскимъ сообщить философскій, хотя и не всегда правильный, смыслъ. Въ концѣ-концевъ, Сковорода приступилъ къ убѣжденію, что св. Біблія содержитъ въ себѣ въ скрытомъ видѣ отвѣты на всякие вопросы и что надо только умѣть ихъ извлечь оттуда. Поэтому онъ любилъ Біблію больше всего на свѣтѣ. Вышеприведенное письмо его къ Панкову заканчивается такою надписью: „любезный пріятель, твой вѣрный слуга, любитель сокращенного *Бібліи*, Григорій Сковорода“". А въ письмѣ своемъ къ Ковалѣнскому, отъ 1790 года, онъ взыываетъ такъ: „О, сладчайшій органе! Едина голубище моя *Біблія!* О, дабы сбылось на мнѣ оное! Давидъ мелодично выграваетъ дивно. На всѣ струны ударяетъ! Бога выхваляетъ! На сie я родился. Для сего ѿмъ и пью; да съ нею (съ *Бібліею*) поживу и умру съ нею“!

Желая найти „начало всемирной машины“, Сковорода говоритъ: „взглянемъ теперь на всемирный этотъ міръ... какъ машинище, составленный изъ машинокъ, не ограниченный ни мѣстомъ, ни временемъ... Я вижу въ немъ единое начало, единъ центръ и единъ умный циркуль во множествѣ ихъ. Это начало и этотъ центръ есть вездѣ, а скучности его нѣтъ нигдѣ... Если скажешь мнѣ, что этотъ внѣшній міръ кончится въ какихъ-то мѣстахъ и временахъ, имѣя положенный себѣ предѣлъ, и я скажу, кончится, т. е. начинается. Видишь, что граница одного мѣста есть вмѣстѣ и дверь, открывающая поле новыхъ пространствъ. И тогда-жъ зачинается цыпленокъ, когда кончится яйце. И такъ всегда всё идетъ въ безконечность. Всё исполняющее начало и этотъ міръ, какъ его тѣнь, не имѣеть границъ. Онъ всегда и вездѣ при своемъ началѣ,

какъ тѣнь при яблони. Въ томъ только разница, что древо жизни стоитъ и пребываетъ, а тѣнь умалается, то преходитъ, то рождается, то исчезаетъ, и есть ничто: *materia aeterna*“. Это „единое начало“, этотъ „вездѣсущій центръ и умный циркуль“ Сковорода называетъ Богомъ. При этомъ онъ поясняетъ, что „у древнихъ Богъ назывался всемирнымъ умомъ, также бытіемъ вещей, вѣчностію, судьбою, необходимостию; а у христіанъ главнѣйшія Его названія слѣдующія: духъ, Господь, царь, отецъ, умъ, истина“. „Божественный духъ, продолжаетъ Сковорода, весь міръ содержитъ въ движеніи, какъ машинистова хитрость—часовую машину на башнѣ и самъ есть бытіе всякому созданію. Самъ одушевляетъ, кормить, управляетъ, починаетъ, защищаетъ и по своей же волѣ, которая зовется всеобщимъ закономъ, огнть обращается въ грубую материю. По этой причинѣ разумная древность сравнивала Его съ математикомъ или геометромъ; потому что не престанно упражняется въ пропорціяхъ или размѣрахъ, вылѣпливая по разнымъ фигурамъ, напр., травы, деревья звѣрей и все проч.... Время, жизнь и все прочее въ Богѣ содержится“¹⁾.

Разсуждая въ частности о начальной и конечной причинѣ каждого изъ существъ, Сковорода учитъ, что „вѣкъ подобенъ вѣнцу: начало и конецъ заключается въ одной точкѣ: Отъ зерна колось въ зерно возвращается... Какое первоначальное основаніе тварей?—Ничто. Вѣчная воля, возжелавъ облечь свои совершенства въ видимое явленіе, изъ ничего произвела все то, что существуетъ мысленно и тѣлесно. Эти хотѣнія вѣчной воли одѣлись въ мысленности, мысленности въ виды, виды въ вещественные образы. Назначено каждому существу, по образу вѣчного, поприще или кругъ явить свои силы, т. е. изліяніе невидимаго во временной видимости и снова всту-

¹⁾ См. „Ізраильський змій“

пить въ свое начало, т. е. въ свое ничто. Край первый и край послѣдній есть едино, и это единое есть Богъ. Всѣ твари, вся природа суть пріятелище, риза, орудіе: все это обветшаетъ, свѣтится, измѣняется; одинъ духъ Божій исполняющій вселенную, пребываетъ во вѣки. Богочеловѣкъ нашъ—вѣнецъ нашъ: не умираетъ, но измѣняется отъ смерти въ животъ, отъ тлѣнія въ нетлѣніе. Умираютъ и умерли уже, имъ же Богъ чрево ихъ и слава въ студѣ ихъ. Грядеть часъ и нынѣ есть, егда мертвіи услышать гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ. Аще убо и нынѣ есть часъ; то почто наутріе, на тысячу лѣтъ, на нѣсколько вѣковъ и кругообращеній планетъ откладываемъ жизнь, смерть, воскресеніе, судъ, гласъ Сына Божія? Нося уже въ себѣ неугасаемый огонь мучительныхъ желаній и чувствованій и неусыпаемый червь угрizenій совѣсти, можемъ ли сказать, что мы еще не осуждены, что гласъ Сына Божія еще не слышится въ насъ, что труба Божія еще не низвела къ намъ Судію страшнаго, праведнаго, судящаго такъ, какъ-бы онъ слышитъ наше сердце?“

Отвлеченные разсужденія Сковороды о существенномъ въ мірѣ и случайномъ внутреннемъ и внѣшнемъ, вѣчно-пребывающемъ и кажущемся лежитъ въ основѣ его этическихъ взглядовъ. Все случайное, внѣшнѣе и кажущееся—плоть, тлѣніе, тѣнь; существенное же, внутреннее есть вѣчное, Богъ. Въ человѣкѣ отраженіе этого постоянно-пребывающаго, божественного есть его внутренній нетлѣнный духъ, который Сковорода называлъ иногда „Минервою“. „Ибо, какъ Минерва, по баснословію, рождена изъ головы Юпитера, такъ нашъ духъ происходитъ отъ Бога“. „Такъ-какъ, замѣчаетъ Ковалѣнскій, Богъ даетъ дарованія духа не въ одну мѣру, но различно, по различію отраслей всецѣлаго, то людей, вступающихъ въ состояніе жизни не по врожденной способности, называлъ Сковорода людьми безъ Минервы. Такимъ образомъ, видя робкаго военачальника, грабителя судью,

хвастуна ритора и проч., онъ съ досадой замѣчалъ: вотъ люди безъ Минервы! Взглянувъ однажды на изображеніе Екатерины II, сказалъ онъ съ движеньемъ: вотъ голова съ Минервой! Истинный человѣкъ, т. е. живущій въ немъ духъ или мысль, отражая въ себѣ это вѣчно-пребывающее, небесное, носить вмѣстѣ съ тѣмъ въ себѣ и единственно возможную „мѣру“ (критерій) познанія Бога, или плана вселенной. Значитъ, познаніе есть единственный путь къ соединенію съ вѣчною основою міра, есть единственная истинная цѣль жизни. „Жизнь живетъ тогда, когда мысль наша, любя истину, любить выслѣживать ея тропинки“; „животорить одна истина“, и „не ошибся нѣкій мудрецъ, положившій предѣломъ между ученымъ и неученымъ границу мертваго и живаго“. „Богъ отъ насъ ни молитвъ, ни жертвъ не хочетъ принять, если мы не узнали Его“. Познаніе, составляя такимъ образомъ цѣль жизни, есть въ тоже время и единственно истинное счастіе человѣка. Сковорода говорилъ, что „счастіе состоитъ въ томъ, чтобы, узнавъ настоящую въ себѣ способность, по ней построить свою жизнь. Такъ многіе ученые были бы, можетъ быть, разнощиками, многіе судьи пахарями, военачальники пастухами и т. д.. Отсюда, продолжаетъ онъ, происходитъ то, что одно и тоже состояніе жизни одного ублажаетъ, а другого окаянствуетъ; одного царскій вѣнецъ преуکращаетъ благословеніемъ, славою, бессмертіемъ, а другого низвергаетъ во тьму кромѣшную съ проклятиемъ его имени; одного ученіе возвысило до небесъ, а другого низвело до ада; одному судейство доставило имя благодѣтеля, а другому грабителя; одному начальство въ похвалу и честь, а другому въ хулу и поношеніе“. Въ духѣ своей философіи Сковорода настаивалъ на душевномъ спокойствіи и внутреннемъ равновѣсіи, какъ на необходимѣйшемъ условіи счастья человѣческаго. Но познаніе-жъ является и единственою основою добродѣтелю, обусловливающею собою всѣ остальные добродѣтели. Впрочемъ, между добродѣтелью и счастіемъ,

по Сковородѣ, какъ и по Сократу, нѣтъ существенной разницы,—это двѣ точки зреѣнія на одинъ и тотъ же предметъ.

„Когда солнце, пишетъ Ковалѣнскій, возжегши безчисленныя свѣчи на смарагдотканной плащаницѣ, предлагало щедрою рукою чувствамъ Сковороды трапезу; тогда онъ, принимая чашу заботъ, не растворенныхъ никакими житейскими попеченіями, никакими страстными взыханіями, никакими суетными развлеченіями, и вкушая радости высокимъ умомъ, въ спокойствіи, полномъ благодушества, говоривалъ: *благодареніе всеблаженному Богу, что нужное сдѣлалъ не-труднымъ, а трудное ненужнымъ!*“! Это положеніе, вытекающее изъ общаго теоретического положенія Сковороды, что нужно только познаніе, а познаніе не трудно (такъ-какъ оно находится въ волѣ человѣка), само было основнымъ положеніемъ въ его практической морали, изъ которого онъ выводитъ два новыхъ положенія: одно касается счастія, другое добродѣтели. Первое положеніе такое: „счастіе есть человѣку самое нужное, но оно же есть и самое нетрудное, если только человѣкъ узнаеть, въ чемъ оно заключается“. Второе положеніе: „трудно быть злымъ, не трудно быть благимъ“.

Всѣ эти положенія практической морали Сковороды, напоминающія собою этику Сократа, котораго онъ ставилъ себѣ въ образецъ, были для него, какъ и для того, не только отвлеченными разсужденіями, но и живой истиной, постепенно примѣняемой имъ въ своей собственной жизни. Сковорода принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ моралистовъ-философовъ, которые исповѣдывали свои принципы дѣломъ и жизнью и несли на алтарь своего служенія не столько избытки отъ своихъ духовныхъ дарованій, сколько самую душу, кровь своего сердца. Сковорода посвятилъ всю свою жизнь развитію и распространенію своей этической философіи, посвятилъ жизнь въ полномъ смыслѣ слова: ни одной черты въ его существованіи не было такой, которую можно было признать его личною, не связанною съ тѣмъ, что онъ счи-

таль своей миссіей. Въ этомъ отношеніи это личность рѣдчайшей цѣнности.

Чтобы оставить читателя подъ болѣе полнымъ впечатлѣніемъ отъ личности украинскаго философа, приведемъ въ заключеніе слова его любимѣйшаго друга и біографа, Ковалѣнскаго, о томъ, какъ онъ молился. „Полуночное время Скворода имѣлъ обычай всегда посвящать на молитву, которая въ тишинѣ глубокаго молчанія чувствъ и природы сопровождалась богомысліемъ. Тогда онъ, собравъ всѣ чувства и помышленія въ одинъ кругъ внутри себя и обозрѣвъ окомъ суда мрачное жилище своего перстнаго человѣка, такъ воззывалъ ихъ къ началу Божію: возстаньте лѣнивые и всегда низу поникши помуслы моего ума! возьмитесь и возвысьтесь на гору вѣчности. Тутъ мгновенно открывалась брань, и сердце его дѣлалось полемъ рати: самолюбіе боролось съ міродержителемъ вѣка, свѣтскимъ разумомъ, съ собственными слабостями человѣческой бренности и всѣми тварями, сильнѣйше нападая на его волю, дабы плюнить ее и быть подобнымъ Вышнему. Богомысліе, напротивъ, приглашало его волю къ вѣчному, единому, истинному благу Его, вездѣсущему, вся исполняющему, и заставляло его облечься во вся оружія Божія, дабы возмощи ему сгати противу козней лжемудрія. Какая брань! Сколько подвиговъ! Возшумѣша и смятошася: надлежало бодрствовать, стоять, мужаться. Небо и адъ борются въ сердцѣ мудраго, и можетъ ли онъ быть празднымъ, безъ дѣла, безъ подвиговъ, безъ пользы человѣчеству? Такъ же онъ проводилъ полуночные часы въ бранномъ ополченіи противъ силъ мрачнаго міра. Возсіявающее утро облекало его въ свѣтъ побѣды и въ торжествѣ духа онъ выходилъ на поле раздѣлять свое славословіе со всею природою“.

Сочиненія того же автора:

1. „Бракъ у древнихъ евреевъ“. Кіевъ, 1892 года.
Ц. съ перес. 2 р.
2. „Хорошевскій Вознесенскій дѣвичій монастырь“. Харьковъ, 1894 года. Ц. 25 коп., съ перес. 30 к.

Цѣна 40 коп.